

Александр Рудазов

Шумерские ноты

Том 1

Архимаг

Александр Рудазов

Шумерские ночи. Том 1

«Автор»

2011

Рудазов А. В.

Шумерские ночи. Том 1 / А. В. Рудазов — «Автор»,
2011 — (Архимаг)

ISBN 978-5-9922-0825-2

Пять тысяч лет назад в долине Тигра и Евфрата процветал великий Шумер. Держава, полная тайн, загадок и древнего волшебства. В благословенном Вавилоне восседал мудрый император, к небесам вздымалась башня магической Гильдии, а на окраине города Ура находился дворец Шахшанор. Пять тысяч лет назад в этом дворце родился младенец по имени Креол – тот самый Креол, который спустя много лет станет всемогущим архимагом. Пока что он еще юн, у него даже не растет борода. Но приключений в его жизни уже достаточно – и о некоторых из них мы расскажем на страницах этой книги.

ISBN 978-5-9922-0825-2

© Рудазов А. В., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Детство архимагов	5
Кого боятся маги	27
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Рудазов

Шумерские ночи. Том 1

Детство архимагов

Город Симурурум стоит на Нижнем Забе, притоке великого Тигра. Эти места – часть провинции Мадга, что лежит на северо-востоке империи Шумер. Здесь правит железная десница императора Энмеркара и божественная воля всемогущего Мардука.

Вчера Шумер отмечал наступления месяца гуд-си-са. Это хороший месяц, приятный и спокойный. В нем не проводится полевых работ, нет и важных храмовых праздников. Гугали¹ в этом месяце обычно устраивают большую чистку оросительных каналов, а лугали любят с кем-нибудь повоевать, но простого люда все это никак не касается.

Мастер Ахухуту всегда любил этот месяц. Сейчас он сидит в своей лавке, ушами следя за обычным гомоном кара, а глазами – за великолепной чашей, принимающей под его руками окончательный облик. За такое чудо можно будет взять немало сиклей²...

В лавке Ахухуту лучшая керамика во всем Симурууме – никто другой не умеет так искусно выбить из глиняного шара нужную форму, а затем обжечь ее в горне. У Ахухуту отличный горн – двухъярусный, с четырьмя поддувалами. За каждым поддувалом трудится специальный раб – и горе ему, если огонь ослабнет хоть на минуту!

Еще мастер Ахухуту знает множество секретов, чтобы посуда при обжиге не трескалась – он подмешивает туда не только солому, навоз и шамот, как все гончары, но и золу, редкие растения, толченый уголь, даже толченые раковины. Никто не знает, для чего Ахухуту так щедро платит уличным мальчишкам за сбор улиток – хороший мастер не раскрывает секретов кому попало.

Но главное, что так ценят покупатели в вазах и чашах Ахухуту – их роспись. Сверло-бутероль в руках искусного гончара – продолжение его пальцев, оно так и мелькает по керамическим стенкам, оставляя за собой тонкие линии, на глазах становящиеся прекрасным рисунком. Звери, рыбы, растения, люди и даже боги – все подвластно художнику, все подчиняется умелой руке. Каждый сосуд Ахухуту – целый рассказ, история. Настоящий ценитель не купит чашу с уже знакомой историей – он всякий раз требует нового. И мастер Ахухуту дает ему новое – он еще ни разу не повторился, не опустил до копирования того, что уже было.

Каждое творение Ахухуту – уникально.

Умелый мастер отложил в сторону бутероль и взял кисточку. Чтобы рисунок получил настоящую глубину и красоту, его нужно раскрасить. Здесь не обойтись без точного глаза – ошибись чуть-чуть в оттенке, и картинка не оживет, останется всего лишь пятном краски. Ахухуту пристально вглядывается в линии на гладкой поверхности чаши, но уши по-прежнему впитывают окружающий шум, вычлняя из него все мало-мальски интересное.

В шумерских городах основная торговля идет в речной гавани – каре. Здесь встречаются все – купцы, рыбаки, скотоводы, гонцы. Шум гавани – это настоящая музыка, если уметь ее слушать. Плещет вода, скрипят весла гребцов, затоны всегда полны парусными ладьями и речными баржами. Товары ввозят и вывозят, отправляют вверх и вниз по реке. На пристани постоянно толчется народ – у каждого свое дело, каждый чем-то занят.

В лавку ежеминутно заходят покупатели, рассматривая готовые сосуды и перекидываясь с хозяином словом-другим. Лавка Ахухуту расположена в хорошем месте – у центрального

¹ Гугаль – управляющий орошением.

² Сикль – мера веса, 1/120 кг. Употреблялся также в качестве денежной единицы.

канала, возле самого горла. Слева питейный дом госпожи Нганду – это выгодное соседство, там всегда много посетителей. Справа финиковый сад, принадлежащий храму Нанны, – это тоже выгодное соседство, слуги лунной богини частенько делают заказы у Ахухуту.

У берега собралась гомонящая толпа – стражники суда кого-то казнят. Конечно, женщину – только женщин положено казнить через утопление. Мужчин убивают топором, и не здесь, а рядом с воротами суда. Если же преступник не мужчина и не женщина (скажем, евнух или содомит), его сажают на раскаленный медный кол.

Лучше всех приходится рабам – их вообще нельзя казнить. Ведь раб – это вещь, имущество. Разве можно казнить неодушевленный предмет?

Единственное, что слегка раздражает почтенного мастера – стайка кар-кида, «шляющихся по рынку». Проклятые блудницы собрались именно возле его лавки и отвлекают посетителей глупым смехом и непристойными выкриками. Куда смотрит наместник, почему позволяет это непотребство? Ведь в Симуруме есть многочисленная община жриц-харимту – священных блудниц богини Инанны, да будет вечно благословенно ее любвеобильное чрево. Они хороши лицом и прекрасны телом, часто моются, носят дорогие одежды, пользуются лучшей косметикой, искусны во всех видах наслаждения и совсем недорого берут за свои услуги. Так зачем же нужны еще и эти уличные шлюхи, лишь разносящие дурные болезни?

Была бы на то воля Ахухуту, всех бы их давно отправили на дно затона...

Вернулся один из рабов-разносчиков, почтительно поклонился хозяину, положил перед ним снизу серебряных колец-сиклей и прикрыл ладонями лицо, ожидая новых повелений. Ахухуту пересчитал монеты, убедился, что заказчик честно заплатил за свою вазу, и указал рабу уже подготовленный сверток.

– Доставишь почтенному Думузигамилю, что живет направо от ворот священной ограды, рядом со школой писцов, – распорядился мастер.

– Повинуюсь, хозяин, – склонил голову раб, взваливая на плечи погребальный сосуд.

У несчастного Думузигамиля недавно скончался малолетний сын – он заказал самую лучшую урну. Жаль его, конечно, но Ахухуту здесь улыбнулась удача – если бы ребенок прожил еще хотя бы несколько месяцев, то вошел бы в совершеннолетие, и тогда для похорон потребовалась бы уже не урна, а плетеная циновка.

– Потом вернешься за другим заказом, – неохотно приказал Ахухуту, бросая взгляд в угол.

Там уже третий день лежат четыре безупречно расписанных чаши большого размера, приготовленные для старого мага-кассита, живущего на окраине. Конечно, заказчик даже не подумал прийти за ними сам – где это видано, чтобы маг утруждал ноги по такому низменному делу? Не присылает и рабов – проклятый старик полагает, что мастер-горшечник должен доставить его заказ прямо к порогу.

Ахухуту вовсе не против – но за такую услугу следует добавить несколько монет. Однако этот скряга, держащийся за свои сикли, как нищий за чашу для подаяний, наотрез отказывается хоть чуть-чуть приплатить.

А ссориться с магом – дело не самое умное, даже для столь уважаемого мастера...

Среди зевак, глазеющих на казнь, внимание Ахухуту привлек мальчишка, отрешенно жующий медовую лепешку с изюмом. Лет четырнадцати-пятнадцати, худой, смуглый, черноволосый, одетый в один только набедренник-юбку, он показался мастеру смутно знакомым. Кажется, почтенный Ахухуту уже видел его здесь несколько дней назад...

– Отрок! Отрок, подойди сюда! – крикнул мастер, уверившись, что не ошибся.

Зычный бас пузатого горшечника с легкостью перекрыл обычный шум кара. На зов обернулись десятка два мальчишек разного возраста, но почти все тут же вернулись к прежним занятиям. К лавке подошел только один – тот, которого звали.

– Чем могу служить, почтенный мастер? – даже не подумал склонить голову мальчишка.

Нахальные серые глаза тарашатся прямо на лицо Ахухуту. Однако, судя по длинным волосам, отрок принадлежит к свободным авилумам, а покррой сандалий указывает на знатное происхождение, так что мастер не стал отчитывать наглеца.

– Поправь меня, если ошибусь, отрок, но не тебя ли я некоторое время назад видел вместе с касситским абгалем³ Джи Беш, коего близкие друзья именуют Халаем?

– Меня, почтенный мастер, – кивнул мальчишка, сунув в рот последний кусок лепешки и облизнув пальцы.

– Ты, вероятно, его новый ученик? Сколько тебе лет? Четырнадцать, не так ли?.. Под каким именем ты известен?

– Мне пятнадцать лет, почтенный мастер. Отец оказал мне честь, даровав собственное имя – Креол. И я действительно ученик старого демонолога Халая...

– Тогда это очень кстати, что я увидел тебя здесь и сейчас, – широко ухмыльнулся Ахухуту. – У меня к тебе поручение, отрок. Видишь эту корзину с чашами? Это заказ твоего учителя, он уже оплачен. Возьми его и отнеси туда, где живешь – думаю, тебе не нужно рассказывать дорогу?

– Мастер, я не раб и не слуга, я не должен носить грузы по твоему распоряжению, – холодно ответил подросток.

– Не забывай добавлять «почтенный», отрок, – педантично поправил его Ахухуту. – Ты прав, я не могу тебя заставить. Но если ты не исполнишь моей просьбы, при следующей встрече с абгалем Джи Беш я непременно упомяну, что его новый ученик дерзок, непочтителен, ленив и хулит своего учителя...

– Я его не хулил! – вспыхнул Креол, гневно сжимая кулаки.

– Верно. Но кому он поверит – тебе или мне?

Ученик мага шумно засопел, исподлобья смотря на подлого гончара. Тот же упер в бока ручищи-окорока и басисто расхохотался. Огромный живот заколыхался, словно куча сырого теста.

– Хорошо, я отнесу твои чаши, почтенный мастер, – крайне неохотно пробурчал Креол, входя в лавку.

– Вот и славно. Будь всегда трудолюбив и почтителен, отрок, и ты многого добьешься в жизни, – добродушно улыбнулся Ахухуту, вновь берясь за бутероль.

Мастер остался очень доволен неожиданной удачей. Пусть ученик старого скряги немного потрудится – ему это всяко не повредит. А для своих рабов Ахухуту найдет применение и получше, чем таскаться по жаре через весь город.

Худенький подросток с трудом поволок тяжеленную корзину, кое-как взгромоздив ее на плечи. Похоже, старый Халай не слишком сытно кормит своих учеников – кожа плотно обтягивает хребет и ребра мальчишки, лопатки выступают парой крошечных крылышек.

Горшечник окинул его внимательным взглядом – да уж, этот юнец даже спиной умудряется проявлять дерзость. Мастер опустил руки к поясу, покачал головой и крикнул:

– Отрок, а ну-ка вернись обратно!

Креол развернулся, злобно посмотрел на лоснящегося от пота Ахухуту, поставил корзину на землю, с хрустом распрямился и подошел к прилавку.

– Чем еще могу услужить, почтенный мастер? – с явным вызовом в голосе спросил он.

Ахухуту снова покачал головой, а потом с удивительной для такого тучного человека ловкостью перегнулся через прилавок и ухватил Креола за ухо.

В его широкой ладони таких ушей мог бы поместиться добрый десяток.

– За что, почтенный?! – завопил от боли мальчишка, извиваясь под безжалостной рукой горшечника. – За что?!

³ Абгаль – мудрец, ученый человек.

– В страданиях твоего уха виновата твоя рука, – усмехнулся мастер, продолжая расправу. – Ты что же – думал, что я не замечу, маленький вонючий маским?!

– Пусти, блевотина Нергала!!! – яростно взвизгнул ученик мага. – Я тебя убью!!!

В ответ Ахухуту выкрутил ухо так, что у Креола брызнули слезы, а рот раскрылся в беззвучном крике. Кое-как переменяя боль, он пошарил у себя в набедреннике и вытащил из складки кошель с тремя снизками золотых и серебряных колец. Ахухуту протянул свободную руку, забирая свои монеты, кропотливо пересчитал их и только после этого выпустил многострадальное ухо. Оно покраснело и распухло так, что стало похожим на ломоть сырого мяса.

– Запомни то, что я сейчас скажу, ничтожный щенок, – наставительно произнес Ахухуту, цепляя кошель обратно к поясу. – Я знаю, что слишком много монет слепят глаза, но перед тем, как что-то сделать, всегда лучше подумать. Недооценка задачи – верный путь к провалу. Я сижу в этой лавке уже двадцать лет, и за это время повидал столько карманников, сколько тебе и не снилось. Если бы меня мог безнаказанно обокрасть такой неумеха, как ты, я бы давным-давно пошел по миру с чашей для подаяния. Поэтому вот тебе мой совет – иди и потренируйся как следует на чем-нибудь попроще, а потом возвращайся и попробуй еще раз. Только уже не со мной – если я поймаю тебя снова, то уже не буду так милосерден. В следующий раз я передам тебя страже суда, отрок. Ты ведь знаешь законы? Я свободный авилум, а в этом кошеле две серебряных снизки и одна золотая. В каждой снизке по шестидесяти колец, каждое кольцо весит сикль. Сто двадцать серебряных сиклей и шестьдесят золотых! До шестидесяти серебряных сиклей – малая кража, но свыше шестидесяти – уже большая, и за нее полагается смерть! Запомни это как следует, отрок!

– Я запомню! – сквозь зубы процедил Креол, кривясь от боли и злобы.

В глазах его светилось лишь одно желание – убить, растоптать, уничтожить!

Пузатый горшечник смерил худенького подростка снисходительным взглядом, а потом упер руки в бока и раскатисто захохотал.

– Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, отрок! – пробасил он, отсмеявшись. – Ты думаешь, что как только окончится твое ученичество и ты познаешь тайное Искусство, то возвратишься и превратишь меня и мою лавку в кучу пепла!

Креол изумленно открыл рот и густо покраснел. Именно об этом он и думал.

– Оставь эти глупости, отрок! – покачал головой Ахухуту, взлохмачивая Креолу волосы. – Если под этой смоляной копной есть хоть немного ума, ты поймешь, что сейчас я оказал тебе услугу, преподав полезный урок! Поверь, если наставление приправлено колотушками, оно запоминается куда лучше!

– Почтенный мастер, я благодарен тебе за наставление, – с великим трудом выдавил из себя ученик мага. – Позволь спросить – что меня выдало? Я клянусь благим Думузи, что ты не увидел и не почувствовал, как я срезал твой кошель! Как же ты узнал, что это именно я взял его, а не какой-нибудь другой вор?

– Ах-ха-ха-ха!!! – залился хохотом Ахухуту. – Твоя правда, отрок, ты довольно ловок с ножом – самой кражи я не заметил. Но вспомни пословицу – ворованный скот можно спрятать хоть в могилу, но холм все равно его выдаст. Так что в следующий раз прячь добычу лучше – твой набедренник едва прикрывает чресла, где уж скрыть под ним такой большой кошель... А теперь вернись к чашам, купленным твоим учителем, и отнеси их домой, пока я не добавил тебе еще тумачков! Я и так уже потерял с тобой слишком много времени, а мог бы истратить его на работу!

Креол, все еще с трудом удерживая потоки сквернословия, так и рвущиеся наружу, кое-как взгромоздил корзину обратно на плечи и зашагал прочь. Проклятый горшечник со своей любовью к нравоучениям! А он-то уже размечтался, как потратит легко доставшееся богатство...

– Да неси осторожнее! – крикнул ему вслед Ахухуту, заметив, как раскачивается корзина. – Если ты разобьешь хоть одну, абгаль Джи Беш изобьет тебя до полусмерти – уж я-то его знаю!

Этого он мог бы и не говорить. Креол поступил в ученики к Халаю только в прошлом месяце, но уже успел близко познакомиться с его жезлом и плеткой. Обозленный на весь мир старик колотит своих рабов и учеников по любому поводу – даже самому ничтожному.

Идти было нелегко. В Симурруме, как и большинстве городов Шумера, улицы узенькие, едва позволяющие разойтись двум пешеходам. На колесницах в городской черте ездят только по главной дороге, ведущей от главных ворот к священной ограде, окружающей дворцы и храмы, и от священной ограды к речной гавани-кару.

Все остальные улицы слишком тесны.

Креол устало перебирал ногами, стараясь не сбивать дыхание. Горячее полуденное солнце печет голову, сандалии припорошило серой пылью. Солнце и пыль – вечные спутники любого шумерского города. В это время дня все сидят по домам, ждут, пока не схлынет жара. Прохладная звездная ночь – вот время, когда шумеры делают важные дела.

Долина Тигра и Евфрата – земля древних тайн и чудес, все еще помнящая поступь богов и демонов, не так давно ведших здесь страшные войны. Империя Шумер – царство ночи и сумрака, насквозь пропитанное миазмами великого Искусства магии. Могучие чародеи вершат судьбы людей, постоянно интригуя и сражаясь, ища себе силы и власти, ища превосходства над всеми остальными. Каждый из них готов идти по трупам, чтобы только чуть-чуть прибавить в могуществе. Лишь беспощадная десница императора-полубога Энмеркара способна держать в узде этот змеиный клубок – не будь его, пылающая кровь шумерских магов давно бы заставила их перебить друг друга.

Креол только начал обучение, но и он уже строит планы насчет диадемы Верховного Мага Шумера.

Халай Джи Беш живет в квартале для зажиточных авилумов – нищей голи здесь нет, только люди с достатком, способные прокормить хотя бы десяток рабов. Все дома до самого второго этажа покрывает обожженный кирпич – весной, когда начинаются большие дожди, улочки превращаются в потоки жирной грязи, портя побелку. Вдоль дороги сплошь идут глухие стены, лишь кое-где прерываясь низенькими дверцами либо окошками-отдушниками, забранными решетками.

Несмотря на суровые законы, воров в Симурруме хватает.

Впрочем, дверь старого Халая оказалась незапертой. Как и большую часть времени. Красть у мага осмелится только полоумный, а действительно опасного врага не остановит такая малость, как замок.

Креол облегченно снял с плеч корзину с трижды проклятыми чашами и с трудом выпрямил спину. Войдя в дверь, он сразу оказался в сенях, темных и прохладных. В углу уютно расположился кувшин с водой для омовения ног – юный шумер не преминул воспользоваться его услугами. Так приятно после долгого пути скинуть сандалии и ополоснуть зудящие ступни в блаженной влаге, ниспосланной человеку великим Энлилем...

Надевать сандалии снова Креол, конечно, не стал. В доме – неважно, своим или чужом – даже император ходит босиком. И в храме тоже – ведь это дом бога.

Из сеней ученик мага вышел во внутренний дворик, мощный обожженным кирпичом. Там все заливают солнечный свет, но на сей раз он не кажется жарким и мучительным, как на улице. В центре двора журчит фонтан, даря всем желающим прохладу и отдохновение.

Сейчас вокруг мирно расположились три рабыни, стирающие туники и плащи, юбки и покрывала. Рядом с самой молодой бегают ребенок – трехлетний мальчишка смеется и теревит мать, отвлекая от работы, та ласково журит его, но не больше. Пока ворчливого хозяина нет

поблизости, сыночка можно и побаловать – но если он вдруг выйдет из двери, маленького раба непременно настигнет взбучка.

По счастью, в это время суток Халай всегда дремлет на плоской крыше – старик любит погреть кости на жарком шумерском солнышке.

– О, молодой хозяин возвратился! – махнула рукой самая старая рабыня. – Хорошо погулял, Креол?

– Тебя это не касается, женщина, – злобно буркнул ученик мага.

– Лучистые глаза Инанны, какой же ты сердитый сегодня! – расхохоталась старушка. – Что случилось – опять подрался?

– Синяков не видно, – покачала головой рабыня помоложе.

– И костяшки не сбиты, – поддакнула самая молодая.

– Значит, снова что-то украл и попался, – попытожила старая. – Говорили же тебе – не промышляй в каре, там вор на воре сидит и за пазухой у обоих тоже по вору. Купцы поневоле учатся глядеть за своими монетами...

– Да, начни пока с малого, – согласилась помоложе.

– Например, потренируйся на дядюшке Нгешти, – предложила самая молодая.

Рабыни переглянулись и залились смехом. Креол покраснел, скрипнул зубами и резко развернулся к кухне, изо всех сил постаравшись продемонстрировать этим движением гнев и презрение.

Получилось плохо – смех только пуще усилился.

В кухне сидел тот самый дядюшка Нгешти, рассеянно вращая рукоять каменной зернотерки. На вошедшего Креола он даже не посмотрел – но в этом не было ничего странного. Старый раб ослеп еще десять лет назад, да и слух подводит его все чаще. Однако работает он по-прежнему хорошо, с ручным помолом справляется лучше всех, поэтому заменять его не заменяют.

У очага хлопочет тетушка Нимзагеси, жена дядюшки Нгешти. Из котла вкусно пахнет кунжутным маслом, топленным салом, бобами, чесноком и горчицей. Судя по аромату, ячменная каша уже доспевает.

Рядом на раскаленных камнях шипят полоски жареной свинины – хотя не так уж много. Рабам и Креолу достанется только каша – большую часть мяса съест сам Халай.

Меньшую – его правнук Эхтант.

Кстати, он тоже сидит здесь, раскладывая на столе причудливый узор из костяных фишек. Эхтант Ага Беш увлекается игрой в шек-трак. Любимая наложница Халая обычно составляет ему партию... причем не только в шек-трак. Хорошо сложенный, красивый юноша, Эхтант в свои семнадцать лет уже пользуется славой прекрасного любовника.

Прадед отлично знает о его шалостях, но не обращает внимания – сам-то он уже давно вышел из возраста, когда женщины нужны для чего-то большего, нежели просто согреть в холодную ночь. Однако такие поблажки дозволяются только Эхтанту. Когда одна из наложниц Халая согрешила с другим рабом, им обоим вырвали языки, отрезали уши и продали далеко на север, в земли диких скифов.

По законам Шумера свободный мужчина-авилум может иметь только одну жену и одну свободную наложницу. Зачастую таковой наложницей становится младшая сестра жены. Однако наложниц-рабынь может быть неограниченное количество – столько, сколько сможешь прокормить. Ведь раб – это вещь, так какое кому дело, для чего ты используешь свое имущество? Хоть свари и съешь – никто слова дурного не скажет.

Если, конечно, это твой раб – за причинение вреда чужому придется заплатить немалый штраф.

– Где мои лепешки, Креол? – вальяжно растягивая слова, спросил Эхтант. – Ты их принес?

– Нет, конечно, – пожал плечами ученик мага, усаживаясь на каменный табурет. – А должен был?

– Кажется, я дал тебе целый сикль серебра и приказал сходить в гавань и принести мне много медовых лепешек с изюмом! – перешел на злобное шипение правнук Халая.

– А кто сказал, что я должен выполнять твои приказы? – растянул губы в улыбке Креол.

– Но ты же послушался!.. – все больше свирепел Эхтант.

– Я взял твой сикль, купил на него целую гору лепешек... и съел все сам, – удовлетворенно закончил Креол.

Насчет «все сам» Креол слегка преувеличил. Сикль серебра – это почти полсотни отличных медовых лепешек. Сожрать такую прорву в один присест сумеет разве что матерый кутруб, но никак не тощий подросток. Поэтому Креол купил и съел столько, сколько осилил, а медные кольца, полученные на сдачу, кропотливо приберег в укромном месте.

В доме Халая он ничего ценного не хранил – старик обязательно найдет и отнимет.

– Ты!.. ты!.. ты украл мои деньги!!! – затряс кулаком Эхтант.

– Да. Ну и что? Что ты мне сделаешь? Дедушке пожалуешься? – фыркнул Креол. – Или, может, сходим к зерновому складу, а?..

Эхтант Ага Беш бешено посмотрел на него и отвернулся. Жаловаться на свои обиды он считал ниже своего достоинства. А у заброшенного зернового склада, куда мальчишки и юноши Симурума всегда приходят, когда нужно выяснить, чей кулак тяжелее, его вовсе никогда не видели. Эхтант слишком дорожит смазливый лицом.

Вот Креол – дело другое. За неполный месяц, проведенный в Симуруме, он успел ввязаться уже в дюжину схваток. Точнее – в одиннадцать, но в одной из них противников было двое. Побеждал, конечно, далеко не всегда – многие из тех, с кем неуживчивый ученик мага успел поспорить, были старше и сильнее. Но Креол всякий раз бросался в драку с таким бешенством и так равнодушно относился к своим и чужим увечьям, что его стали всерьез опасаться. Особенно после случая с сыном купца Ку-Нингала – тот перебил Креолу ногу камнем, но упрямый мальчишка все равно полз к противнику, изрыгая брань вперемешку с кровью.

Выглядело это довольно жутко.

Халай Джи Беш каждый раз исцелял раны своего ученика. Причем с огромным удовольствием – магическое лечение стоит очень дорого. Старый скряга и без того уже неплохо нажил на юном Креоле – архимаг Креол, сын Алкеалола, один из богатейших людей Шумера, оплачивает не только обучение сына, но и все его расходы. За скудную пищу и постель Халай дерет столько, словно содержит ученика в императорской роскоши. Что уж говорить о магических исцелениях, кои дороги и сами по себе...

Конечно, увечья, которые нанес он сам, Халаю Джи Беш приходится исцелять бесплатно. Ничего не поделаешь, но таковы установления Гильдии – иначе несчастные ученики уподобились бы дойным коровам, которых можно с утра до вечера калечить и вновь исцелять.

Поэтому Халай очень радуется, что на сей раз ученик ему попался весьма драчливый.

– Ну ладно, Креол... еще посмотрим... – скрипнул зубами Эхтант. – Посмотрим... нет, я просто не могу поверить, что я в очередной раз тебе поверил! О боги, когда же я запомню, что ты лживее Азаг-Тота и прожорливее Пазузу?!

– Лучше запомни! – хмыкнул Креол, довольно глядя на правнука Халая. Настроение, испорченное занудой-горшечником и насмешницами-рабынями, слегка поднялось.

Со двора донесся стук дверного молотка. Креол тут же вернулся к прежней раздраженности, слез с табурета и неохотно поплелся во двор, а оттуда – к сениям.

По обычаю, исстари заведенному в доме Халая, дверь гостям всегда открывает младший ученик. Днем ли, ночью – неважно. Все рабы прекрасно об этом знают, поэтому можно и не надеяться, что кто-нибудь хотя бы шевельнется.

– Добро пожаловать в дом Халая Джи Беш, лучшего мага славного Симуррума, – заученно пробубнил Креол, распахивая дверь. – Наслать проклятье на ваших врагов, избавить от преследования злого духа, связать демона и сделать рабом – Халай Джи Беш всегда рад услужить за весьма умеренную плату...

– Можешь не утруждаться, юноша, я пришел не за этим, – равнодушно покачал головой стоящий за порогом.

– Слава богам! – облегченно выдохнул Креол. – Чем могу помочь, почтенный?

– Ты – ученик старого Халая?

– Мой почтенный собеседник на удивление догадлив, – саркастично скривил губы Креол.

– А мой – на удивление дерзок, – сурово посмотрел на него гость. – Немедленно ступай и доложи учителю, что к нему пришел Липит-Даган, не то тебя ждет выволочка, скверный мальчишка!

Креол посмотрел на него с нескрываемой ненавистью – разбудить Халая Джи Беш в это время суток означает заработать несколько хороших тумачков. Но судя по цветной одежде, пышным кистям на шнурах, дорогим сандалиям и войлочной шапке, гость принадлежит к знати и имеет право приказывать.

Конечно, Креол и сам происходит из славного древнего рода, но здесь и сейчас он никто и ничто – всего лишь ничтожный ученик старика Халая. Вот когда обучение завершится, он вновь станет сыном архимага и вернется домой, во дворец Шахшанор...

К сожалению, ждать этого момента предстоит еще лет пятнадцать.

Пока Липит-Даган и его спутник разувались и омывали ноги в сенях, ученик мага поднялся на крышу – конечно же, учитель сейчас именно там. Костлявый старик сладко дремлет на плетеной циновке, подложив под голову каменный валик. Креол брезгливо поморщился – из одежды на учителе только магический двойной шнур, защищающий от нечисти и дурного колдовства.

Такие амулеты носят почти все, хотя большинство из них зачарованы кое-как и не слишком действенны. Попадают и вовсе фальшивые – обычному человеку нелегко распознать подобный обман, и многие мошенники этим пользуются. Ничего сложного – поводить руками, побормотать и объявить, что теперь этот шнур заговорен, и никакая нечисть его владельца не коснется. А если кто-нибудь из обманутых на самом деле столкнется со злым демоном, то вряд ли потом явится требовать деньги назад...

Правда, в больших городах такое встречается не слишком часто – тех, кто ложно выдает себя за мага, настоящие маги карают жестоко и мучительно.

– Учитель!.. учитель!.. – наклонился над спящим Креол.

– Воды Энлиля и смердящая плоть Червя! – проскрежетал Халай, открывая глаза. – Как ты посмел меня разбудить, негодный щенок?! А ну-ка, помоги подняться!

Первое, что сделал старик, встав на ноги, – отвесил ученику звонкую пощечину и с силой наступил на кончики пальцев. Креол сохранял каменное лицо – успел усвоить, что жалобы и стоны Халая только распалют.

– Учитель, к тебе явился некто Липит-Даган, – равнодушно доложил юноша.

– Что?! Соски Тиамат, проколотые Мардуком, почему ты не сказал этого сразу, щенок?! – выверился старик, хватая Креола за ухо. – Хм-м-м... Я что, сегодня уже драл тебе уши?

– Нет, учитель, здесь тебя опередил мастер Ахухуту. Я доставил чаши, которые ты у него купил, они лежат в сенях.

– То-то оно так распухло... – проворчал Халай Джи Беш. – Этот проклятый горшечник, да сгниют его кости, умеет наказывать дерзких щенков, надо отдать ему должное... Хотя за свои чаши дерет втридорога, надо будет вскипятить ему кровь в жилах... Ладно, проваливай, да постарайся больше не попадаться мне сегодня... хотя стой! Ты приготовил урок?!

– Конечно, учитель.

– Тогда отвечай.

– Но учитель, Липит-Даган ждет... о-о...

На сей раз Креол все же не удержался от сдавленного стога – учитель нанес ему резкий удар в горло, целясь точно в кадык.

– Подождет, – сухо усмехнулся старый мучитель. – Отвечай урок, ничтожество!

Креол собрался с мыслями и торопливо забормотал, стараясь не обращать внимания на ужасную резь в горле:

Когда вверху не названо небо,
А суша внизу была безымянна,
Апсу первородный, всесотворитель,
Праматерь Тиамат, что все породила,
Воды свои воедино мешали.
Тростниковых загонов тогда еще не было,
Тростниковых зарослей видно не было...

– Достаточно! – резко оборвал его Халай. – Хорошо, начало ты, во всяком случае, знаешь. Вечером явишься в комнату свитков и прочтешь все целиком. Да берегись ошибиться хоть в одном слове, выползок поганого Кура!.. Что ты замер кумиром, щенок?! Принеси мне тунику и набедренник, помоги одеться! Меня ждет знатный гость, а я теряю время с тобой, проклятым недоумком!

Все еще брызжа слюной и изрыгая ругательства, Халай Джи Беш спустился во двор, где его уже давно ожидали гости. Липит-Даган сидел на каменном табурете, неторопливо цедя ячменную сикеру, налитую рабыней. Его спутник устроился на бортике фонтана, с азартом ловя ртом падающие струи.

– Я тебя сегодня не ждал, зловонная отрыжка уткуку, – пробурчал Халай, усаживаясь напротив Липит-Дагана. – Чего тебе?

– И тебе приятного дня, старая гнилая кадушка, – усмехнулся тот. – Халай, неужели у тебя не найдется доброго слова даже для старого друга?

Маг на миг задумался, а потом безразлично ответил:

– Нет. Говори, зачем пришел, и убирайся.

– Ты знаешь, зачем я пришел.

– Лжешь. Я ничего не знаю. Зачем ты лжешь?

– Дослушай, старый ишак. Помнишь наш разговор в месяце ше-гур-куд? Это было совсем недавно, даже твой высохший череп не мог позабыть его так быстро.

– А-а-а, так ты об этом... – пробурчал Халай, впервые поглядев на того, кто пришел с Липит-Даганом. – Это он?

– Это он.

Теперь туда посмотрел и Креол. До этого он полагал, что мальчишка, сопровождающий знатного вельможу, – всего лишь раб. Чернокожий, обритый наголо – в Шумере очень мало свободных авилумов с такой внешностью. Большинство черных здесь – рабы-кушиты, привезенные из-за моря или родившиеся от других рабов.

– Ты не говорил, что он кушит, – пробурчал Халай, с недовольством глядя на чернокожего подростка.

– Это потому, что он не кушит, – покачал головой Липит-Даган. – Ну, если быть точным, кушит, но только наполовину. Он сын моей дочери Лагаль.

– А кто отец?

– Раб из Куша, – скривился Липит-Даган. – Рожей мальчишка весь пошел в него – от матери у него только глаза.

– А-а-а! Незаконнорожденный ублюдок! – с каким-то злым удовольствием посмотрел на мальчишку Халай Джи Беш. – Мило, мило... Хотя ничего милого. Меч воителя Эрры, почему ты позволил этому куску дерьма жить?!

– Да, сначала я собирался отвезти его в пустыню и бросить на съедение гулям, – не стал отрицать Липит-Даган. – Но потом он сумел-таки убедить меня, что от него живого может быть польза... Шамшуддин!

Мальчишка торопливо обернулся. Его серые глаза испуганно выпучились, он мелко задрожал всем телом.

– Повелевай, господин, – робко пробормотал он.

– Покажи абгалю Джи Беш, что ты умеешь, – приказал дедушка.

Шамшуддин быстро закивал, выставил ладони запястьями вперед и ужасно напрягся. По эбеновому лицу полился вонючий пот, на лысой макушке вздулась синяя вена. Но результат последовал сразу же – каменный табурет начал медленно подниматься в воздух, повинувшись воле кушита-полукровки.

Креол аж зубами скрипнул от зависти – он-то сам пока не владел даже самыми простенькими чарами. А Халай Джи Беш с интересом погладил жиденькую бородку, глядя на висящий в воздухе табурет и трясущегося от напряжения Шамшуддина.

– Замечательно... – пробормотал он. – Этот черномазый выблядок где-то учился Искусству?

– В том-то и дело, что никогда и нигде, – покачал головой Липит-Даган. – Я до сих пор помню тот момент: Лагаль только что родила, младенец сосал ее грудь, я хотел забрать его, но он вдруг посмотрел на медную бусину, и та... взлетела ему прямо в ладонь. Жрица Инанны сказала, что из ребенка может получиться хороший маг, и я решил оставить ему жизнь...

– Замечательно, замечательно... Но странно. Странно... Уту, прозванный Шамашем, да точно ли его отец был человеком?! Быть может, это черномазое зловоние родилось от демона, джинна или инкуба?

– Не могу сказать наверное, но Лагаль клялась всеми Ануннаками, что ни с кем не сходилась, кроме того смазливового кушита, Бараки.

– Ха! Лживая девка!

– Халай, не оскорбляй мою дочь, – нахмурился Липит-Даган. В его голосе зазвенела бронза. – Она жестоко огорчила мое сердце, но хотя бы из уважения к мертвым – спрячь свой гнилой язык поглубже!

– А, так она умерла... – проворчал маг. – Ну, пусть смилостивится над ней владычица Эрешкигаль... Но откуда же тогда у младенца мог взяться этот дар? Обычное дитя человеческое не может просто так взять и родиться с Искусством в крови, этому приходится учиться, учиться долго... Конечно, даже если она сказала правду, это еще ничего не значит – инкуб может сойтись с женщиной хоть во сне, та даже не узнает... Хм-м-м... Подожди, а отчего у него нет волос? Ты что, хотел посвятить его в жрецы?

– Нет, он уже родился таким.

– Пылающий гнев Гибилы, да он точно не сын человека! – разрубил кулаком воздух Халай Джи Беш. – Может, твою дочь посещал джинн?!

– Жрицы сказали, что это из-за неудачного заклятия, – холодно ответил Липит-Даган. – Лагаль пыталась вытравить плод, ей помогала жрица Нергала. Но заклятия сработали не так, как задумывалось...

– И ты в это веришь, спятившее бычье испражнение?! – ощерился старый маг. – Говорю тебе!.. хотя ладно, оставим это пока что. У меня будет достаточно времени, чтобы провести все опыты и узнать точно – сколько в этом черномазом ублюдке человека, а сколько... чего-то другого... Ты ведь явился, чтобы всучить его мне в ученики, верно я помню наш разговор?

– Верно, верно.

– О, тебе это дорого обойдется, проклятый мешок с сиклями! – алчно потер сухонькие ладошки Халай. – Я лучший учитель во всей Мадге, и мои уроки стоят дорого... За обучение этой черномазой образины ты будешь выплачивать мне по сорока пяти сиклей серебром в год, не считая расходов на содержание и миксума. За его пропитание и постель ты будешь платить еще по сорока пяти сиклей серебром в год...

– На сорок пять сиклей серебра я могу купить девять тысяч сила⁴ ячменя! – вспыхнул Липит-Даган. – Пять взрослых мужчин будут есть это целый год и не съедят!

– Еще и постель.

– Это означает, что ты дашь ему циновку?!

– Нет, циновку, палас и одежду он должен будет принести с собой.

– И после этого ты называешь себя магом, Халай?! Ты не маг – ты вор!

– А еще ведь и миксум! – захихикал старик. – Мне ведь приходится выплачивать бильтум, шибшум и саттуккум⁵ с каждого, живущего в моем доме...

– Что-о-о? – возмутился Липит-Даган. – Халай, не считай меня глупцом! Я знаю порядки вашей Гильдии! Вы, маги, причислены к людям императора, вы платите только бильтум – шибшум и саттуккум вас не касаются! А высшие члены Гильдии... да-да, и ты тоже среди них!.. не платят даже бильтума, только илькум⁶!

Халай Джи Беш собрал все лицо в одну злобную складку. Он не подозревал, что Липит-Даган так хорошо осведомлен о том, как миксум касается Гильдии. Да, налог, взимаемый с магов, очень невелик – по сути, это чистой воды условность, пара жалких медяков. Обязателен для них лишь илькум – каждый член Гильдии знает, что император в любой момент может потребовать от него исполнения долга.

Последнее время Халай начал побаиваться, что очень скоро ему действительно придется этот самый долг исполнять. На юго-западной границе стало беспокойно – там все чаще встречаются каких-то жутких тварей, похожих на прокаженных.

Говорят, что они высасывают из человека душу, после чего тот сам превращается в такую же тварь. Говорят, что их вывело в своих ретортах пустынное сообщество некромантов, возглавляемое безумным архимагом Ку-Клусом. Говорят, что сам Дагон Темный явился из Лэнга, чтобы возглавить своих приспешников.

Скорее всего, просто пустые слухи, но сон старому Халаю они испортить сумели.

– Ну что ж, я предлагаю округлить общую сумму до ста двадцати сиклей серебра в год, – ухмыльнулся Халай, погладив жиденькую бороденку.

– Мне кажется, правильнее будет округлить в меньшую сторону – до шестидесяти сиклей, – покачал головой Липит-Даган. – Шестидесят сиклей серебром – и без того куда больше, чем ты заслуживаешь. За пятнадцать лет обучения это будет девятьсот сиклей серебром – клянусь Ану и Энки, мне придется продать половину рабов, чтобы расплатиться с тобой!

– За здорового раба можно выручить тридцать, даже сорок сиклей серебра, – задумчиво поднял лицо Халай Джи Беш. – А у тебя их две с половиной сотни... Справедливый Энки свидетель – я согласен взять вместо платы всего лишь четверть твоих рабов.

Пришло время Липит-Дагана смущенно кашлять – он и не подозревал, что старый маг так хорошо осведомлен о состоянии дел в его поместье. Он ненадолго задумался, а потом снова начал торговаться, яростно сражаясь за каждую монету.

⁴ Сила – мера объема, $\frac{2}{3}$ л.

⁵ Миксум – общее название налогов в древнем Шумере. Бильтум – налог, взимаемый с государственных служащих. Шибшум – налог, выплачиваемый каждым свободным гражданином (авилумом). Саттуккум – сбор, собираемый храмами.

⁶ Илькум – служба, работа для государства или храма, выполняемая в замену налога.

Халай бросил взгляд на Креола и впервые подумал о его отце с некоторой симпатией. Архимаг Креол терпеть не мог Халая Джи Беш, зато он ни единой секунды не торговался. Лишь холодно выслушал условия, коротко кивнул и приказал своему управляющему: «Заплати ему».

– Креол! – кстати вспомнил старый демонолог. – Подойди-ка сюда, негодный щенок!

– Я слушаю тебя, учитель, – подошел ученик.

– Не забывай кланяться, обращаясь ко мне!!! – с силой шарахнул его жезлом по лбу Халай Джи Беш. – Ниже!.. ниже!.. Ниже кланяйся, поганая слизь, изbleванная Пазузу!!! Кто тебя так кланяться учил, щенок?! Я тебя научу!.. научу!.. научу!.. НАУЧУ!!!

Липит-Даган наблюдал за избиением мальчишки с явным удовольствием, намекаяще поглядывая на Шамшуддина. Тот выпучил глаза и слотнул, начиная понимать, почему из такого множества учителей-магов дедушка выбрал для нелюбимого внука именно Халая Джи Беш.

С каждым ударом Креол покорно наклонялся все ниже. Пока не упал. Голова загудела медным колоколом, перед глазами поплыли разноцветные круги, рот наполнился кислой слюной. В момент последнего удара он явственно услышал сухой хруст – треснул либо жезл учителя, либо череп ученика.

Жезл выглядит целым и невредимым.

– Вставай, на сегодня с тебя достаточно, – ядовито хихикнул Халай, легонько пиная ученика в ребра. Происходи дело на улице, он ударил бы куда сильнее – ведь там на старом маге были бы сандалии. – Мы с почтенным Липит-Даганом еще побеседуем, а ты пока что бери эту черномазую обезьяну, покажи ей новый дом и объясни заведенные здесь порядки. Не мне же этим заниматься!

– Слушаюсь, учитель... – с трудом пробормотал Креол, кое-как поднимаясь на ноги. Его шатало из стороны в сторону, глаза вращались в орбитах независимо друг от друга, из носа капала кровь. – Сейчас... что?.. да, точно... о, чрево Тиамат... оу-у-у...

– Э-э-э... – раздраженно скривился Халай, неохотно накладывая на ученика заклятие Исцеления. Он всегда держал в памяти три-четыре таких – при его любви к побоям это не было лишним. – Получай и убирайся, пока я не всыпал тебе еще, тупоумный недоносок!

– Конечно, учитель, – поклонился Креол, с наслаждением ощущая, как боль уходит, уступая место бурлящей магии, очищающей тело, пронизывающей каждую жилочку, каждую каплю крови.

Ничто в мире не сравнится с этим чувством.

– Ты ни на что не пригоден! – отмахнулся Халай. – Уверен, ты станешь худшим магом в истории Шумера, Креол. Если вообще станешь.

Ученик в очередной раз поклонился и поманил Шамшуддина. Тот покорно последовал за Креолом. Первые несколько секунд чернокожий мальчишка молчал, ошалело глядя прямо перед собой, но как только они покинули внутренний двор, с ужасом воскликнул:

– Он всегда такой?!!

– Я это слышу!!! – тут же заорал Халай Джи Беш. – Я все слышу, черномазый выbleдок!!!

– Да, он всегда такой. И слух у него тоже отменный, – еле слышно прошептал Креол. – Пошли, покажу комнату учеников... ну и все остальное.

Жилище Халая Джи Беш представляло собой вполне типичное строение, возведенное по стандартному образцу. Так, например, в каждом доме Шумера – богатом или бедном – непременно есть внутренний двор. Находясь в нем, очень просто определить, насколько зажиточен хозяин – достаточно посчитать двери. В беднейших домах с внутреннего двора ведут лишь две двери – в сени и в парадную.

Но старый Халай принадлежит к богатейшим людям города, поэтому с его внутреннего двора ведут целых шесть дверей. В сени, в парадную, в обширное помещение для рабов, в кухню, в кладовку и на лестничный пролет, с которого можно подняться на второй этаж или

спуститься в подвал. Над дверью в сени висит апотропей в виде уродливого демона – он не пускает в дом злых духов.

Если какой и проникнет, дальше сеней ему не пройти.

При парадной расположена кладовка для постельных принадлежностей, большая умывальная и священный дворик – туда допускают только членов семьи, ведь там находятся молеельня, алтарь и домашнее кладбище. Своих мертвецов шумеры стараются хоронить дома – родных не следует оставлять даже после смерти.

На втором этаже комнаты членов семьи и гостевые, лаборатория и мастерская хозяина, комната свитков и галерейка, опоясывающая внутренний двор. В подвале – холодный погреб для снеди и припасов, большая дренажная труба для нечистот и еще кое-что по мелочи.

Постельные принадлежности довольно просты – это циновки и паласы. Кровать есть только у хозяина с хозяйкой, да и у них не всегда. Жители великого Шумера привыкли к простым жестким ломам – выбрал свободный пяточок, расстелил циновку, вот постель и готова. Если погода хорошая, спят обычно во дворе или на крыше.

– Ну, у нас дома все почти так же, – заявил Шамшуддин, осмотрев свое новое жилище от крыши до подвала. – Только немного просторнее – дедушкино поместье за городом, там места больше.

– Понятно, – равнодушно откликнулся Креол, ковыряя в носу. – Ладно, для начала запомни несколько правил, Шам... Шамшуддин, да?

– Угу.

– Во-первых, ты теперь младший ученик. Так что открывать дверь гостям – теперь твоя работа.

– Думаю, это нетрудно, – дернул плечами Шамшуддин. – Что еще?

– Во-вторых, никогда не перечь учителю. Сам видел, что бывает...

– Вот уж правда... – поежился Шамшуддин. – Ты давно у него учишься?

– Месяц без двух дней. Тебе сколько лет?

– Пятнадцать.

– О, и мне пятнадцать! – оживился Креол. – Слушай-ка... а ты знаешь, что у тебя свет от головы отражается?

– Ненавижу эту лысину! – вспыхнул Шамшуддин. – Все принимают за жреца-евнуха!

– Ну, кроме них никто голову в детстве не бреет, – пожал плечами Креол. – Да ладно, тебе уже пятнадцать – скоро начнут принимать за просто жреца. Необязательно евнуха.

– Мало утешает... – пробурчал Шамшуддин. – Я хочу такие волосы, как у тебя.

– Конечно, хочешь, – гордо встряхнул смоляной копной Креол. – Все хотят. У меня и борода уже пробивается! А у тебя?

– А у меня – нет! – огрызнулся юный кушит. – Расскажи еще про нашего учителя. Он вообще какой?

– Халай Джи Беш старый, тощий, злощый, жадный, все время орет, дерется палкой, никогда не моется и воняет тухлятиной, – скрупулезно перечислил все достоинства учителя Креол.

– Я это слышал!.. – донеслось снизу.

– Ну, а про отличный слух я уже говорил, – закончил Креол. – Кстати, теперь он меня опять изобьет.

– А ты... тебе что, все равно? – недоверчиво посмотрел на него Шамшуддин.

– К боли тоже можно привыкнуть, – пожал плечами Креол. – У меня была хорошая тренировка.

– Ну?..

– Понимаешь, дома у меня был дедушка... Архимаг Алкеалол. Он почти такой же бешеный, как Халай. И тоже любит подражаться палкой. Кормилица рассказывала, что когда меня вынули из материнского чрева, дедушка первым делом шелкнул меня в нос.

– А ты?

– А я его укусил. Жалко, зубов еще не было. Но дедушка все равно остался доволен – сказал, что я весь в него. Я и правда на него похож. Хотя только лицом.

– А что твой отец?

– Ну как сказать... – задумался Креол. – По-моему, ему на меня вообще наплевать. Он вспоминал, что я есть, только когда мы случайно встречались. А мать я вообще не помню – она давно умерла.

– И у меня тоже... – вздохнул Шамшуддин.

– Здорово, опять совпало! – обрадовался Креол.

– Да уж... А почему тебя отдали Халаю?

– Почему, почему... Надо было, значит! – непонятно с чего озлился Креол. – Чего пристал?!

Почтенный Липит-Даган торговался с Халаем Джи Беш еще очень долго. Мелкопоместному аристократу совершенно не хотелось расставаться с любимыми монетами ради нелюбимого внука, из-за которого юная Лагаль так и не смогла выйти замуж.

Обычно в случаях, подобных тому, что произошел в доме Липит-Дагана, виновный либо выплачивает отцу девушки большой выкуп, либо женится на ней без права развестись. Но на сей раз дело изрядно затруднил рабский ошейник Бараки. Благонравные девицы редко снисходят до рабов, тем более чернокожих.

В конце концов двое скряг сошлись на девяноста сиклях серебра ежегодно плюс дополнительная плата, если Шамшуддин что-нибудь натворит или ему потребуется магическое лечение. Липит-Даган тут же передал старому магу три снизки по шестидесяти серебряных колец – за два первых года.

С оставляемым внуком Липит-Даган прощаться не стал. Он наконец-то сбросил с плеч бремя, так тяготившее последние пятнадцать лет. Следующие пятнадцать это бремя будет лежать на плечах Халая Джи Беш.

А что будет дальше?... Липит-Даган не брался загадывать. Ему уже перевалило за пятьдесят, он не был уверен, что доживет до того дня, когда Шамшуддин станет полноправным магом.

Если вообще станет – старого Халая недаром прозвали «потрошитель учеников»...

Солнце близилось к закату. Как обычно в это время, домой возвратились Хатаб и Халфа – усталые, пропотевшие. Тетушка Нимзагеси немедленно наложила им побольше ячменной каши – подкрепить силы.

– Это кто? – спросил Шамшуддин, сидевший рядом с Креолом на галерейке внутреннего двора.

– Рабы, – пожал плечами тот. – В доме Халая работы мало, поэтому некоторых рабов он сдает внаем. Они работают в гавани – домой возвращаются только на ночь.

– А, вот как... А сколько всего людей в этом доме?

– Ну... – задумался Креол, загибая поочередно пальцы. – Из свободных – сам Халай, его правнук Эхтант... он тоже ученик, но старше нас. Я. Теперь еще ты. Рабов... м-м-м... десять. Дядюшка Нгешти слепой, но с простой работой справляется. Его жена стряпает на кухне. Хатаба и Халфу Халай сдает внаем. Их жены стирают, убираются, ходят за покупками и делают всякую другую работу. Еще у Халая есть три наложницы-рабыни – одна уже совсем старая и две молодых. Они тоже работают по хозяйству, а если в гости приходят другие маги, Халай подкладывает их им в постель. Еще у Халфы и его жены есть ребенок – ему три года. Он меня раздражает, – хмуро проворчал Креол. – Дети – это проклятие богов. Особенно мелкие.

Шамшуддин пересчитывал рабов одновременно с Креолом – у него тоже получилось десять. Он посмотрел на загнутые пальцы и спросил:

– Больше никого нету?

– Еще Асаггак, но он не совсем раб... да вон он как раз идет. Смотри, какое чучело.

Шамшуддин изумленно открыл рот – то, что медленно выползло из кладовки, вряд ли вообще было человеком. Закутанный в старое-престарое покрывало, расплзающееся в дюжине мест, с пустыми бесцветными глазами, посеревшей кожей, лысой макушкой, сплошь покрытой уродливыми струпами, и глубокой дырой на месте носа. Босые ступни передвигаются с удивительной неспешностью – не слишком великое пространство меж кладовкой и кухней этот урод пересекал целую минуту.

– Это что, ходячий мертвец? – предположил Шамшуддин.

– Да, – равнодушно ответил Креол. – Зомби. Раньше тоже был рабом Халая.

– А что он делает?

– Большую часть дня просто стоит в кладовке и смотрит в стену. Он – наглядное пособие. Для учеников, чтобы изучать внутренности человека.

Через несколько минут Асагак вышел из кухни. Не с пустыми руками – он захватил каменную кадучку с помоями. Обычно кадучки, наполненные доверху, переносят вдвоем, но ходячие мертвецы удивительно сильны – их окоченевшие мышцы не ведают боли и усталости.

– Он каждый день относит помои в подвал и выливает в дренажную трубу, – пояснил Креол. – А утром приносит пустую кадучку обратно.

Шамшуддин задумчиво почесал плешистую макушку. Он посмотрел на мертвеца, еле плетущегося через двор, выпятил нижнюю губу и спросил:

– А почему только утром? Зачем оставлять пустую кадучку в подвале на ночь?

Креол открыл было рот... но тут же снова закрыл. В серых глазах отразилось недоумение. Ученик мага тоже посмотрел на Асагака, все еще не дошедшего до лестничного пролета, и медленно ответил:

– Не знаю. Да, странно...

Ученики внимательно посмотрели друг на друга. Шамшуддин широко ухмыльнулся – на его эбеновом лице улыбка выглядела особенно белой. Креол тоже растянул губы в улыбке и предложил:

– Проследим?

– Пошли! – вскочил на ноги Шамшуддин.

Подростки осторожно прокрались по галерейке и спустились по лестнице. Там оказалось гораздо темнее, чем на улице, но все же не слишком – под потолком висел магический освещатель. Тусклый, светящий неестественным голубоватым светом, но все же худо-бедно рассеивающий мрак.

Как и большинство крупных городов Шумера, Симурум снабжен тщательно продуманной сетью канализационных каналов и керамическим водопроводом. Гугали день и ночь трудятся, следя за тем, чтобы в каждом доме была вода, а грязь и нечистоты своевременно удалялись. В жарком климате долины Тигра и Евфрата процессы гниения и разложения протекают очень быстро, а отсюда недалеко и до эпидемии. Поэтому в подвале Халая Джи Беш имеется дренажное отверстие, куда и отправляются все помои.

Точнее – куда они ДОЛЖНЫ отправляться.

К великому удивлению Креола и Шамшуддина, Асагак вовсе не опорожнил кадучку в зловонную дыру, как они ожидали. Вместо этого мертвец сунул руку в неприметную щель, и часть стены плавно повернулась на толстом бронзовом штыре, открыв темный проход и лестницу, уходящую вглубь. На мальчишек, пялящихся на него во все глаза, он не обратил ни малейшего внимания.

– У Халая есть потайное подземелье?.. – приподнял брови Креол. – И как это я раньше не замечал?..

– Интересно, а что он там хранит? – посмотрел на него Шамшуддин. – Наверняка сокровища!

– Или артефакты! – жадно загорелись глаза Креола. – Проверим?

Асаггак успел скрыться в тьме тайного подземелья, но проход остался незакрытым. Значит, он очень скоро вернется и нужно спешить.

– А если там что-нибудь... ну, такое... – засомневался Шамшуддин. – Может, не надо?..

– Ты что, боишься? – сощурился Креол.

– Даже ифрит кого-нибудь да боится, – ответил Шамшуддин. – Известная опасность не страшна – страшна неизвестная. И что сделает с нами учитель, если уличит?

Креол задумался, переводя взгляд с Шамшуддина на темный провал в стене. За ним уже послышалось шарканье – раб-мертвец возвращается обратно.

Но тут сверху послышался другой звук – злобное ворчание:

– ...гниль и прах, куда подевались эти негодные щенки?..

– Я должен быть в комнате свитков и читать урок, – вспомнил Креол.

– Но тебя там нет.

– Именно. Значит, старый Халай опять переломает мне пальцы, – безразлично закончил Креол. – Так что хуже уже не будет. Ты идешь?..

Шамшуддин замялся, но Креол успел исчезнуть в темной дыре. Вместо него показалась подгнившая рожа Асаггака – мертвец вернулся уже без кадушки. Он сунул руку в щель, дверь начала закрываться... и Шамшуддин бросился туда.

Чернокожий мальчишка влетел в потайной проход, промчался по ступеням и врезался во что-то мягкое, повалив его на пол.

Судя по изрыгаемым проклятиям, это был Креол.

– Слезь с меня, отродье Нергала!.. – злобно прошипел он, с трудом отпихивая Шамшуддина.

– Извини, – поднялся на ноги тот. – Где это мы?..

Лестница оказалась довольно короткой – она закончилась уже через дюжину ступеней. За ней открылся небольшой коридорчик с двумя дверьми – справа и спереди. Из-под правой пробивался тусклый свет.

– У-у-у!.. – выпучил глаза Креол, приоткрыв дверь. – Гляди!

Магический освещательник, висящий здесь, стоил куда дороже своего собрата в подвале. При этом свете можно было даже читать.

Похоже, старый Халай именно этим здесь и занимался – на каменных полках, увивающих стены, лежали десятки глиняных табличек, испещренных мелкими клинышками.

– «Ха-Дингир ара губ каб ду кургин», – прочитал Креол. – «Шуб-лугаль ра анса-саг а унату угула-ни га се сам у на дуг»...

– Бессмыслица какая-то, – пожал плечами Шамшуддин. – Ты точно подряд читаешь?

– Да... а хотя нет, пропустил строчку, – признал Креол. – А если... эй, да это же судебный документ! Смотри-ка, Халай в молодости изгнали из Каркемиша за кражу осла! Ну кто бы мог подумать...

Шамшуддин его не слушал – он глазел на другие полки и столы. На одном из маленьких столиков стоял объемистый сосуд из отличного стекла, доверху наполненный уксусом. В нем плавала отрезанная человеческая рука – плавала подобно рыбе, загребая пальцами и выпуская пузырьки из перерубленных вен. Рядом стояла алебастровая ваза, доверху наполненная кисло пахнущим маслом – от него поднимались красноватые испарения.

На соседней полке расположился ятаган с рукоятью из эбонита, завернутый в черный шелк. Шамшуддин рискнул чуть-чуть развернуть шелк – лезвие густо покрывали таинственные знаки, оно слабо светилось синим светом...

– Не трогай!!! – вскрикнул Креол.

Шамшуддин резко отдернул руку, вернув шелк на место, и удивленно посмотрел на Креола.

– Ты не касался?! – напряженно спросил тот.

– Не успел. Это что такое?

– Слава богам... Это ятаган Барзай – у моего деда тоже есть такой. Его не должен касаться никто, кроме хозяина, а то вся сила уйдет и придется ковать новый. Думаю, Халай тебя бы за такое...

– Да уж... – невольно побледнел Шамшуддин.

Креол огляделся еще раз. Собственно, ничего особенного в этой комнате нет – самые обычные аксессуары магической лаборатории. Возможно, несколько более редкие и дорогие, чем те, что хранятся на втором этаже, но и только-то.

И нигде он не увидел признаков помойной кадучки, что оставил Асаггак...

– Пошли, посмотрим, что за другой дверью, – скомандовал Креол.

Шамшуддин неохотно оторвался от глиняной таблички и двинулся следом. Ученики старого Халая одновременно заглянули за дверь... и одновременно отшатнулись.

Другая комната оказалась в несколько раз больше, но без всяких табличек и жутких предметов. Нет и магического освещальника – мрак разгоняет только плоска с чадящим маслом. Обстановка отличается скудностью – каменный мешок может похвастаться лишь бронзовыми кольцами, вбитыми в стену, и свисающими с них цепями.

А на одной из цепей сидит узник.

– Кто это? – прошептал Шамшуддин, выглядывая из-за плеча Креола.

– Кажется, гала... – неуверенно ответил тот.

– Угадал, человеческий детеныш, – ядовито прошипел пленник старого мага, звеня цепями. – И что вы собираетесь с этим делать?

Цепи выглядели прочными. Конечно, обычная бронза вряд ли удержит гала, но Халай Джи Беш называет себя мастером-демологом не из пустого хвастовства.

Эти оковы управились бы и с Демоном Бури.

Гала медленно зашевелился, поднимаясь на корточки. Подземный демон Кура улыбнулся пугающей улыбкой – ученики мага невольно подались назад.

Искаженное отражение человека, на три головы выше Креола с Шамшуддином. Зелено-вато-бурый, покрытый необычной кожей-чешуей, жесткой и бугристой, со множеством крошечных колючих шипов. Треугольная морда демонстрирует огромную пасть с сотней зубов-игл, звездообразную дыру вместо носа, пару пылающих миндалевидных глаз с роговыми полосками вместо бровей, остроконечные уши. Из плеч чудовища растут два извивающихся отростка, оканчивающиеся змеиными головами. Они шипят и капают ядом, взирая на перепуганных мальчишек с неистовой злобой истинных гадов.

– Вы рабы или ученики старого пожирателя грязи? – задал вопрос гала. – Или, быть может, вы воры, забравшиеся в его дом? Что сейчас наверху – день или ночь?

Ученики мага сохраняли молчание. Креол окинул взглядом прикованного демона, раздраженно ощущая на шее шумное дыхание Шамшуддина, и перешагнул порог. Бронзовая цепь зазвенела – гала подался навстречу.

– А, так вот куда он носит помой... – вполголоса пробормотал Креол, опустив глаза.

Да, каменная кадучка наконец-то отыскалась. Она стояла рядом с гала – и помоев там заметно поубавилось.

– Вам жаль помоев для старого измученного демона? – оскалился гала. – Что ж, я могу поделиться – здесь еще больше половины, хватит, чтобы устроить дружескую пирушку. Угощайтесь, друзья, угощайтесь!

– Можешь оставить себе, – хмыкнул Креол. – Ты и правда гала?

– До сегодняшнего утра был, – с улыбочкой ответил демон. – Конечно, боги любят забавные шутки, так что с них станется ни с того ни с сего превратить меня во что-нибудь иное... одноглазого ишака, например. Но, думаю, пока что этого не произошло. Я рожден во мраке Кура, человеческий детеныш, и я был и остаюсь гала уже триста лет. А теперь, может быть,

поговорим о вас? Я так давно не видел человеческих лиц... живых, имею в виду. Ту кучу мертвого мяса, что приносит мне еду, я вижу каждый день, но поверьте на слово – он не слишком интересный собеседник. Я предпочитаю беседовать со своими змеями.

Змеиные головы, растущие из его плеч, одновременно зашипели, словно давая понять, что речь идет именно о них. Впрочем, скорее всего, они просто выразили чувства самого гала – для него эти плечи-змеи такая же часть тела, как руки, ноги или глаза. У них нет собственного рассудка – лишь легкий блик, отражение разума хозяина.

– Вам приятно со мной познакомиться, человеческие детеныши? – ласково спросил гала.

– Не называй меня так, демон, – буркнул Креол.

– Но надо же мне как-то вас называть, верно? У всякого создания богов должно быть какое-то наименование. Назови мне свое настоящее имя, и я буду обращаться к тебе правильно...

– Не называй! – шикнул Шамшуддин. – Демону нельзя называть имя!

– Без тебя знаю, – огрызнулся Креол.

– Что ж, тогда не ждите от меня ответной любезности... – широко зевнул гала. – А что, человеческие детеныши, не принесете ли вы мне кружечку вкусного пива?.. или, может быть, хотя бы ячменной сикеры? Не отказался бы я и от ломтика свежего мяса... Третий месяц я уже в этом подземелье и вижу только эту помойную кадушку... Не удивлюсь, если старый евнух, который меня сюда запрятал, в эту же кадушку испражняется – нет, нисколько не удивлюсь... Но ничего не поделаешь, есть-то хочется... Даже демоны нуждаются в пище...

– Мертвые в Стране без Возврата питаются нечистотами и помоями, – пожал плечами Шамшуддин.

– А кто сказал, что им это нравится? – пробурчал гала. – Ну так что, принесете?

– А что нам за это будет? – прищурился Креол.

Гала очень внимательно посмотрел на него, словно увидел впервые, пошарил глазами вокруг себя, как будто что-то разыскивая, а потом с притворным расстройством развел руками:

– Вот беда, у меня здесь нет ничего ценного... Если желаете, можете получить эту тряпку, что я использую вместо набедренника... хотите?..

– Ффффу-у-у-у-у!!! – одновременно заорали мальчишки, брезгливо морщась. Мужество демона оказалось чудовищных размеров и формы – в отрубленном виде могло бы сойти за боевую дубину. К тому же с него текло что-то липкое и зловонное.

– А что такое? – обиделся гала. – Мои супруги не жалуются...

Но набедренник все же вновь обмотал вокруг чресл, пряча срам.

– Демонов я раньше не встречал, – поделился Шамшуддин. – Но пару лет назад у нас в поместье случился кутруб – вытоптал ячменное поле и сожрал пятерых рабов... Знаешь, у него эта штука была меньше...

– Кутрубы огромного роста, но сверху и снизу у них маловато, – согласился гала. – Эй, детеныши, а как насчет заработать золота?.. много золота!..

Креол с Шамшуддином переглянулись. Шамшуддин задумчиво поднял глаза к грязному потолку, а Креол сразу перешел к делу:

– Как?

– Мы, гала, способны на многие чудеса... но только не сейчас, когда я скован, – с сожалением позвенел цепями демон. – Освободите меня, чтобы я мог вернуться домой, в Кур... и вас ожидает награда... очень щедрая награда!

– Какая именно?

– Да все, что пожелаете! Золото, оружие, богатые одежды, волшебные амулеты! В сокровищницах Кура всего довольно – я принесу вам все, что пожелаете!

– Хм-м-м...

– Заключим договор – вы меня освобождаете, а я исполняю каждому по желанию, пойдет? – предложил гала.

– Любое? – насторожился Креол.

– Ну не совсем любое, конечно... – неохотно признался демон. – Я обычный гала, а не всемогущий Мардук... Но для обычных людских желаний меня обычно хватает. Сундук золота, красивую девицу, дворец... правда, для дворца приходится звать родню, в одиночку очень уж долго... С другой стороны, можно не строить, а найти готовый и прикончить хозяев. Если поблизости не окажется сильного мага или отряда опытных воинов – управлюсь.

– Это... заманчиво, – признал Креол. – Заманчиво. А мы?.. Что мы должны сделать?.. Украсть у Халая ключ от твоих цепей, прочесть освобождающее заклинание или что?..

– В этом нет нужды. Все гораздо проще. Эти оковы зачарованы – они обессиливают меня, делают слабее новорожденного котенка. Но есть средство вернуть мне силы – только на краткий миг, но этого хватит, чтобы разорвать цепи. После этого я исполню ваши желания и вернусь в Кур...

– Выглядит не слишком сложно. И что же это за средство?

– Кровь, человеческий детеныш! – улыбнулся стозубой улыбкой гала. – Человеческая кровь! Ощувив ее вкус, я вырвусь!.. вырвусь!!!

Шамшуддин постучал Креола по плечу. Тот повернулся, и ученики мага зашептались, то и дело бросая косые взгляды назад – на терпеливо ожидающего демона. Тот по-прежнему улыбался, хотя улыбка с каждым мигом становилась все натужнее и неестественнее, все больше походя на обычный кровожадный оскал.

– ...да ладно, рискнем!.. – наконец отмахнулся Креол, отворачиваясь от Шамшуддина. – А какие у нас гарантии? Откуда мы знаем, что ты исполнишь обещание?

– А каких гарантий вы хотите? – вкрадчиво спросил гала.

– Твое имя! – ни на миг не задумался юноша. – Поклянись великой клятвой Кура, поклянись подземной рекой, которая отделяет от людей, поклянись крыльями Эрешкигаль, поклянись судьями-ануннаками, поклянись твоим собственным именем – назови его вслух! Тогда я поверю тебе и дам тебе свою кровь, демон!

– Хитрый человеческий детеныш... – слегка скис гала. – А может, как-нибудь по-другому?

– Можно и как-нибудь по-другому, – покладисто кивнул Креол. – Можно и так, что ты не будешь клясться, а будешь дальше сидеть на цепи и жрать объедки...

– Если бы объедки, если бы объедки... – горестно покачал головой демон. – Я рад уже и ячменной шелухе...

– Ты хочешь освободиться или нет?.. – скучаяще посмотрел на него Креол.

Шамшуддин схватил его за плечо и взволнованно зашептал на ухо, недоверчиво глядя на размышляющего гала. Креол слушал невнимательно, с каждой секундой все больше раздражаясь, а потом вовсе оттолкнул Шамшуддина и шикнул:

– Отстань, я знаю, что делаю!..

– Ладно, человеческий детеныш, договорились! – в тот же момент заявил гала. – Мое имя – Нгхул'Трезим! И я приношу тебе великую клятву Кура, что не причиню тебе вреда и свято исполню все условия договора! Достаточно с тебя?

– Ну... думаю... да, наверное... – с легкой неуверенностью ответил Креол, извлекая из складки набедrenника острый обсидиановый нож. – Шамшуддин, ты участвуешь?

– Отец бы этого не одобрил... – горестно простонал сын раба, протягивая трясущуюся руку.

Креола быстро, не давая себе времени передумать, чиркнул иссиня-черным лезвием по ладоням – своей и Шамшуддина. Две кровавых струйки оросили нож и побежали вниз – к про-

пылившемуся полу. Но не добежали – их перехватили жадные рты плечевых змей Нгхул’Трезима. Крохотные пасти втянули в себя мальчишескую кровь... и демон раскатисто захохотал.

Одним быстрым движением гала поднялся на ноги, разламывая бронзовые цепи, словно высохшую глину. Порванные звенья посыпались на пол, и демон захохотал еще громче, возводя очи горе. Будь он еще хоть на полпальца выше, стукнулся бы головой об потолок.

– А теперь... – начал Креол.

– А теперь, человеческий детеныш, я вернусь домой, – оборвал его Нгхул’Трезим. – Но вначале я утолю голод вашим мясом, утолю жажду вашей кровью, а из того, что останется, вырву души – чтобы преподнести их в дар владычице Азимуа, когда та спросит, где я бродил так долго. Возможно, этого хватит, чтобы умиловать ее гнев...

– Я так и знал... – пробормотал Шамшуддин, торопливо пятясь.

Длань демона взметнулась вверх, вспыхнул яркий свет, дверь с протяжным стоном захлопнулась, ударив чернокожего мальчишку по спине. Тот болезненно вскрикнул, растирая ушибленный хребет.

В следующий миг магический свет погас и воцарилась тьма, рассеиваемая лишь полыхающими глазами гала. Подземный демон хищно оскалился, резко сжал ладони и шевельнул запястьями – мальчишек потянуло к нему, как на аркане.

– Твоим именем... Нгхул’Трезим... приказываю – повинуйся!!! – прерывающимся голосом закричал Креол, с ужасом чувствуя, как ноги идут вперед вопреки воле хозяина. – Твоей... клятвой... нерушимой... Нгхул’Трезим!!!

– Это не мое имя, человеческий детеныш, – ласково улыбнулся демон. – Такая маленькая-маленькая хитрость... Нгхул’Трезим – это имя одного из моих кузенов. Окажетесь в Стране без Возврата – передавайте ему поклон...

– Чрево Тиамат... – прошептал Креол, не в силах оторвать глаз от зубов-игл, приближающихся к горлу.

– Я же говорил!.. – озлобленно ударил его в плечо Шамшуддин. – Здорово ты знаешь, что делаешь!..

– Лучше ему врежь, недоумок!!! – заорал Креол. – Пережми ему вены!!!

Шамшуддин изумленно расширил глаза. Демон, уже подтащивший учеников мага вплотную, озадаченно моргнул... но тут его ногу с силой хлестнуло цепью. Один-единственный удар, но Шамшуддину он обошелся чрезвычайно дорого – в глазах помутилось, колени подкосились, и его вырвало прямо на гала. Тот брезгливо отшвырнул перепачканного мальчишку, оставив на тунике пять расплывающихся кровавых полос, и взмахнул ногой, отбрасывая прочь злополучную цепь.

Креол почувствовал, что напряжение спадает, тело вновь подчиняется. Он мгновенно выхватил обсидиановый нож и вонзил его прямо в живот проклятому гала. Железо не проткнуло бы этой кожи, однако освященный обсидиан пронзает плоть демона легче, чем мягкую глину.

Но только пронзает. Не убивает. По морде гала лишь прокатилась болезненная судорога, из раны хлынула черная маслянистая жидкость, но этим все и ограничилось. Чудовище изрыгнуло несколько ругательств на языке мертвых и ударило Креола по лицу, едва не снеся нижнюю челюсть. Ученик мага отлетел назад и упал на Шамшуддина, обливаясь кровью.

Демон вытащил из живота нож, презрительно сломал стеклянистое лезвие двумя пальцами, отбросил обломки прочь и поднял бездыханных мальчишек за шкурки, словно двух слепых котят. Плечевые змеи радостно устремились к добыче, вонзаясь в кожу крохотными зубами. Во все стороны полетели кровавые брызги и клочья мяса – омерзительные гады с бешеной скоростью начали проедать тоннели в плоти.

Гала закатил глаза, чувствуя, как тело наполняется блаженной сытостью... но тут из коридора донеслось торопливое шлепанье босых ног. Демон настороженно прислушался, а в сле-

дующий миг грязно выругался и с силой отбросил Креола с Шамшуддином, не обращая внимания на разочарованное шипение змей. Уже не думая о добыче, он поднял руки и начал растворяться в воздухе, возвращаясь в Кур.

Но ему не хватило какой-то секунды. Дверь распахнулась, словно в нее ударило молотом, и на пороге появился тощий силуэт, окруженный пылающим ореолом.

– Смердящие выблядки, вот вы где!!! – прокаркал Халай Джи Беш, поднимая чародейский жезл. – Я вас научу, где надо гадить!!!

С кончика жезла сорвался ослепительный белый сполох. Демон вскрикнул от боли... рванулся... но колдовской речитатив, изливающийся из сморщенных губ старого демонолога, пригвоздил его к полу. Халай Джи Беш изрыгнул еще несколько заклятий и неспешно прошествовал вперед, шагая прямо по телам своих учеников. Гала тоскливо завыл, не выдержав обманутых надежд... а потом вой перешел в жалобный скулеж. Старик достал из складок пояса изящный флакон, наполненный переливающейся радужной пылью...

Благовоние Зкауба.

– Учитель?.. – простонал Креол, с трудом разлепляя глаза, залепленные сукровицей.

– Молчать, недоносок!!! – зарычал Халай, с силой опуская жезл ему на голову. – Запомни, жалкое отродье, демону верить нельзя!.. нельзя!.. нельзя!.. НЕЛЬЗЯ!!! Запомни это, запомни как следует!!!

– Учитель...

– Да, смердящее насекомое, я твой учитель, и уж я позабочусь, чтобы ты усвоил сегодняшний урок как подобает прилежному ученику...

На следующий день мертвый раб Асаггак вновь нес по темному подземелью каменную кадушку, до краев заполненную вонючей жижей. Он равнодушно открыл дверь, глядя пустыми глазами прямо перед собой, и начал разливать помои по чашкам. Отмерив две небольшие порции, зомби поставил остальное в центре и удалился.

– Чрево Тиамат!.. – ругнулся Креол, глядя на то, что налили ему. – Я все-таки надеялся, что Халай пришлет нам каши... хоть бы капельку дал, старый скряга...

– Да, пахнет отвратно... – грустно согласился Шамшуддин. – Ну что ж, в большом нарыве и гноя много...

– Чем вы недовольны, человеческие детеныши? – язвительно спросил демон-гала. – Угощайтесь, угощайтесь – я этим питаюсь уже три месяца...

Они трое по-прежнему находились в том же подземелье, что и вчера. Грязные, оборванные, сплошь в синяках и ссадинах – правда, самые серьезные раны Халай Джи Беш все же исцелил. А после этого он, решив преподать своим ученикам хороший урок, приковал их рядом с тем, кого они так неосмотрительно освободили. Конечно, позаботившись, чтобы никто из троих не мог дотянуться друг до друга...

– Халай – старый вонючий ишак... – пробурчал Креол, не решаясь вскусить «кушанье».

– Ну, он нам все-таки жизнь спас... – пожал плечами Шамшуддин.

– Нужны вы ему... – фыркнул демон. – Думаете, это он вас спасать торопился? Как бы не так! Почувствовал, что я освободился, вот и ринулся сломя голову... тьфу, надо было сразу удирать, так нет ведь, живота своего послушался...

– Как думаешь, долго мы еще здесь пробудем? – вздохнул Шамшуддин, не слушая жалоб демона.

– Надеюсь, не очень, – отодвинул свою чашку Креол. – Если мне все-таки придется жрать эту бурду, я дам нерушимую клятву убить Халая!

– Вас все-таки когда-нибудь отпустят... – хмуро посмотрел на него демон. – А мне тут сидеть, пока не сдохнет старый колдун... Кстати, когда выйдете на свободу, пришлете мне кружечку пива, а?..

– Скорее бык даст тебе молока, – плюнул в его сторону Креол. – Очень уж ты здорово благодаришь за помощь...

Шамшуддин, не выдержав сосущего чувства в животе, все-таки сделал глоток из своей чаши... и тут же изbleвал все обратно. Даже в этой непроглядной тьме было видно, как позеленело его лицо.

– Ф-фух!.. – простонал он, растягиваясь на холодном полу. – Умирать с голоду буду, а это не проглочу... Эй, Креол, послушай-ка!

– Чего тебе? – огрызнулся Креол, безуспешно пытающийся открыть замок осколком обсидиана.

– У нас кровь смешалась – вон там, на полу. Это что значит – мы теперь вроде как кровные братья?

Креол посмотрел на темные пятна и безразлично пожал плечами.

– Формально – да, – кивнул он. – Ну и что с того?

– Здорово! – обрадовался Шамшуддин. – Я всегда хотел завести побратима!

– Да, вот уж радость-то... – скривился Креол.

– А можно тогда называть тебя братом?

– Ладно, называй, если хочешь... – неохотно согласился Креол, поразмыслив пару секунд. – Но учти – я старший!

– Конечно, брат, как скажешь, – покладисто ухмыльнулся Шамшуддин.

– Эй, минуточку! – подал голос демон. – Моя кровь там тоже есть – значит, теперь я вам тоже кровный брат?! Нет уж, человеческие детеныши, я с вами брататься не собираюсь!

– Ну тогда побратайся с этими помоями! – швырнул в него чашкой Креол.

Демон облизнул испачканную морду, ядовито улыбнулся и приподнял каменную кадешку. В ней все еще оставалось больше половины...

Кого боятся маги

Утро. Раннее утро. Ласковые солнечные лучи щекочут глаза даже сквозь веки. С внутреннего дворика слышны журчание фонтана и детский смех.

Креол сладко зевнул, раскидывая руки в стороны. Вставать неохота. Еще слишком рано. Сегодня первый день месяца кин-Инанна. Это самый жаркий месяц в году – день тянется долго-долго, а ночь, наоборот, донельзя короткая. В такой зной лениво даже шевелиться – хочется лежать на теплой крыше и ничего не делать.

Вчера они с Шамшуддином засиделись допоздна. Старый ублюдок Халай впервые за три месяца сжалился над учениками – позволил отдохнуть целых полдня. В питейном доме госпожи Нганду была опрокинута не одна кружка ячменного пива.

Правда, денег после той попойки не осталось совсем. Да их и было-то негусто – в карманах Креола и Шамшуддина редко встречаются даже медные сикли. Хотя оба из зажиточных семей.

Дед Шамшуддина – один из крупнейших землевладельцев Симурума, а отец Креола – архимаг, один из богатейших аристократов Ура. Но до молодых наследников нет дела ни тому, ни другому. Старый Липит-Даган от души ненавидит незаконнорожденного внука, из-за которого его дочь лишилась честного имени. А Креол-старший вспоминает о существовании сына только когда тот появляется перед глазами.

По счастью, маг – это очень уважаемая профессия. Даже если он только-только вступил в ученичество. Благоразумная госпожа Нганду никогда не отказывается ссудить двум ученикам кувшинчик-другой пива или хотя бы ячменной сикеры. В долг, все в долг. Когда Креол и Шамшуддин вырастут и оперятся, они уж верно не позабудут оказанных благодеяний.

Креол лениво поскреб ногтями грудь. Ни единого волоска. Ему уже почти шестнадцать, а шерсть на груди до сих пор не растет. Зато на верхней губе и подбородке первый пушок уже появился – спустя несколько лет он обязательно станет роскошными усами и бородой. Креол – не жрец, не раб и не содомит, так что будет носить длинную завитую бороду.

Сквозь полудрему донеслось тихое шлепанье. Босые ступни. Наверное, Шамшуддин продрал глаза и спускается в умывальную. Сегодня ученики мага ночевали на крыше – в такую жару лучше всего спать прямо под звездами. Блаженна прохлада шумерских ночей, ничто не сравнится с этой дивной негой...

– Яу-у-у-у-у-у!!! – разорвал тишину дикий вопль.

– Вставайте, поганцы!!! – одновременно прорычали над самым ухом.

Всполошившийся Креол резко открыл глаза... и тут же снова их зажмурил. Все тело пронизала страшная боль. Ученик мага скрючился и заскулил, держась за мучительно ноющий живот.

По нему словно шарахнули осадным тараном!

– Сию минуту вставайте, щенки! – зло прошипел чей-то голос. – Не то я...

Креол торопливо перекатился на живот, с трудом поднимая голову. Слезящиеся глаза кое-как различили костлявую ссутулившуюся фигуру – Халай Джи Беш.

Любимый учитель.

В руках дряхлый демонолог держит тяжелый медный колокол на палке. Его звон созывает рабов к приему пищи. И именно этим колоколом Халай только что от души шарахнул любимых учеников. Одного и другого – точно в живот.

– Мои внутренности... – жалобно простонал Шамшуддин, держась за отбитую печень. – О мои бедные внутренности...

– Немедленно замолчи, смрадная отрыжка Червя, не то твоя голова разделит судьбу брюха! – яростно сверкнул глазами Халай. – Поднимайтесь, ублюдки! Солнце давно поднялось, и вы тоже поднимайтесь!

Креол выпрямился, исподлобья поглядывая на учителя. Этому старому маскиму уже перевалило за сто лет, но он по-прежнему мастерски орудует жезлом и прочими орудиями для битья. А силища, как у молодого.

Не иначе, использует какую-то магию.

На лестницу Шамшуддин успел выбежать первым. Замешкавшийся Креол тихо ругнулся. Если Халай станет спускаться последним, то окажется у него, Креола, за спиной. И всю дорогу будет колотить ученика в спину. Ни за что не упустит столь удобного момента.

Если же попробовать пропустить учителя первым, тот непременно вспылит и обвинит Креола в медлительности и неповоротливости. Не только устами обвинит, но и палкой.

А пронырливый Шамшуддин в любом случае останется небитым.

С завтраком тоже не заладилось. Эхтант Ага Беш при виде младших учеников насмешливо положил на язык последний кусочек свинины и с подчеркнутым удовольствием облизнулся. А перед Креолом и Шамшуддином рабыня поставила пустую, без единого мясного волокна ячменную похлебку.

– Пошевеливайтесь, ленивые скоты, пошевеливайтесь! – не переставал орать Халай, провозая каждое зернышко ненавидящим взглядом. – Жрите быстрее! Еще быстрее! Еще, еще быстрее, смрадные выползки!!!

А Креол с Шамшуддином и так работают ложками изо всех сил, спеша проглотить как можно больше похлебки. Когда у учителя лопнет терпение, он просто выбьет ложки из рук, да еще и зарядит кулаком в зубы.

Халай Джи Беш – самый злобный старик во всем Шумере.

– Можете не торопиться так, – прозвучал холодный голос. – Время есть.

Креол и Шамшуддин бросили быстрые взгляды на двери, ни на миг не прекращая работать челюстями. В кухню вошел высокий полуседой мужчина в железном шлеме-шишаке с металлическим гребнем. Длинные волосы и короткая борода – так стригутся воины. А шлемы с гребнями носят только военачальники – лугали.

– Лугаль Хакуррай... – вполголоса пробормотал Креол, переворачивая опустевшую миску. – Интересно...

В самом деле, интересно, что за дело заставило начальника стражи Симуруму спозаранку явиться в гости к их учителю?

Хотя догадаться можно. Симуррум не так уж велик и новости здесь распространяются быстро. Последнее время все судачат только об одном – о загадочном убийце, отправившем в Кур уже два десятка душ. Причем это явно не человек, а какая-то потусторонняя тварь.

К кому же еще обратиться с такой бедой, если не к демонологу?

Судя по кислому лицу Халай, этот гость не стал для него сюрпризом. Старый маг покрепче сжал жезл и буркнул, глядя в сторону:

– Ты пришел рано, лугаль. Я ждал тебя только к полудню.

Вопреки обыкновению Халай не приправил слов ни единым ругательством. Креол ехидно сверкнул глазами. За полгода, прожитые в этом городе, он успел запомнить, что лугаль Хакуррай – держащая колонна Симурума. Даже городской эн⁷ старается не портить с ним отношений.

Да что говорить – достаточно взглянуть, как морщится Халай Джи Беш, как исходит дурной желчью. Один из величайших демонологов Шумера вынужден смирять свое высокомерие – слишком хорошо он знает, что бывает с магами, дерзнувшими пойти против импе-

⁷ Эн – правитель города и одновременно верховный жрец главного городского храма.

раторских лугалей. Даже Верховный Маг Шурукках не заступится за ничтожного кудесника, позабывшего, где пролегает грань дозволенного.

Халай бросил быстрый взгляд в сторону Креола. В слезящихся глазах загорелось бешенство – учитель сразу догадался, о чем думает ученик.

Костлявый старикашка в два широких шага пересек пространство кухни и с размаху огрел Креола жезлом. Желтые зубы плотно сжались, едва не крошась от напряжения. Халай Джи Беш принялся охаживать ученика палкой, вымещая скопившуюся злобу.

– Довольно, – холодно произнес Хакуррай, глядя на расправу с явным неодобрением. – Знай меру, абгаль Джи Беш. Всему есть свой предел.

– Это мои ученики, – прошипел старик, отпуская однако Креола. – Мне виднее, как с ними обращаться.

– Бесспорно. Но может, все же не стоит так над ними издеваться? А что если однажды они станут сильнее тебя?

– Ты прав! – загорелись глаза Халая. – Я лучше убью их сейчас, пока они слабые!

Креола тоскливо застонал, заползая под стол. Все тело ломит от нестерпимой боли. Опять. В очередной раз. Похоже, в плече трещина... и локоть почему-то сгибается в другую сторону...

Ну отчего Вершитель Судеб Мардук распорядился так, что ему достался самый жестокий учитель на свете?!

Лугаль Хакуррай покачал головой, садясь за стол. Любимая наложница Халая торопливо поднесла ему кружку пива – не той ослиной мочи, что достается рабам и ученикам, а настоящего, хорошего пива. Лугаль отхлебнул и степенно кивнул, поглаживая короткую бороду. Халай Джи Беш уселся напротив него и принялся сверлить нежеланного гостя глазами.

– Перейдем к делу, почтенный абгаль, – помолчав, сказал Хакуррай. – Полагаю, ты уже догадываешься, зачем я пришел...

– Догадываюсь ли я?! – воздел руки старый маг. – Как я могу не догадываться, если последние дни весь кар только об этом и судачит?! Даже последние из кар-кида уже знают, что за мерзкая участь постигла твоих стражников! Теперь ты явился с этим ко мне?!

– Да, все верно, – склонил голову Хакуррай. – Возникшая проблема – не та проблема, с которой могут справиться мои воины. Погибли уже шестеро, а результатов как не было, так и нет. Нам нужен маг.

– И ты пришел ко мне, – скрипнул зубами Халай. – Почему ко мне?! Разве мало в Шумере других заклинателей и чудотворцев?!

– На мой вкус – даже слишком много, – холодно ответил лугаль. – А пришел именно к тебе я только из-за того, что наш Симуррум – не самый большой город, и мы относительно небогаты вашей братией. Кроме тебя в этих стенах живут только абгаль Кинадунга и старуха Игайя. Но первый – аптекарь, знающий лишь свои порошки и химикалии; а вторая – знахарка, разбирающаяся только в травах и овечьих болячках. Зачем мне беспокоить их, если у меня есть Халай Джи Беш, сам себя называющий величайшим демонологом Шумера? Кто еще сможет сравниться с тобой в истреблении злокозненной нечисти?

Халай помрачнел. Собственное высокомерие сыграло с ним дурную шутку. Он ведь действительно любит приговаривать, что во всей империи не найдется равного ему демонолога. Трудно сказать, сколько в этой похвальбе правды, а сколько преувеличения... да и какая разница?

Престарелый маг с большим удовольствием выгнал бы гостя за порог. Возраст уже не тот, чтобы бегать по лесам и полям, охотясь на неизвестных чудовищ. Но каменное лицо Хакуррая ясно говорит – отказ принят не будет. Просьба лугалья – просьба императора. А проигнорировать просьбу императора не посмеет ни один маг.

– Изложи мне суть дела, – неохотно пробурчал Халай. – С чем предстоит иметь дело и где его искать.

– Не знаю – на оба вопроса, – коротко ответил Хакуррай. – Никто из видевших тварь не дожил до того, чтобы об этом рассказать. И мы не знаем, где конкретно она скрывается. Известно лишь, что все нападения произошли к югу от города, близ речного берега. Там есть роща – думаю, не ошибусь, если скажу, что тварь свила гнездо где-то в ней.

– Мило, мило... хотя ничего милого, – фыркнул Халай. – Это что, все, что ты мне дашь, лугаль?! Скажи хотя бы, как выглядели жертвы! Загрызены, разорваны, растоптаны?!

– Высосаны, – мрачно ответил Хакуррай. – Все, кого нашли, похожи на пустую кожуру. Представь персик, из которого высосали мякоть, а шкурку и косточку выбросили. Вот на это похожи теперь мои люди. Кожа, кости – ничего больше. Кровь выпита, мясо... мясо на месте, но оно выглядит так, словно вялилось под палящим солнцем несколько месяцев. Ни капли влаги во всем теле.

– Да ты поэт, лугаль, – злобно покривился Халай. – Персики, палящее солнце... какие эпитеты, какое описание! Бе-е! Слушать противно! Мерзость, пакость!

– Пропускай мимо ушей то, что тебе неинтересно. И скажи, можешь ли ты назвать тварь, что убивает подобным образом?

– Похожих-то много... – неохотно промямлил Халай. – Вампиры иногда иссушивают людей целиком... инкубы и суккубы выпивают из жертв жизнь... кстати, были ли среди жертв женщины?

– Да. Кроме моих стражников погибло несколько простых земледельцев, рабов и один жрец. Среди них были и женщины.

– Тогда это не суккуб, – отверг предположение старый маг. – И не инкуб, конечно. Суккуб охотится только на мужчин, инкуб – только на женщин. Сразу отбрасываем и еще несколько тварей, что жрут только какой-то один пол...

– И?..

– Что и?! Все! Пока все! Больше я сказать не могу – ты слишком мало сказал! Скажи больше – я скажу больше!

– Я могу назвать тебе имена погибших, описать их лица...

– Кому интересна такая чушь?! Мне не нужны имена трупов! С куда большим удовольствием я бы побеседовал с ними самими... но вызов духов займет время, много времени... Я не слишком хорош в спиритизме, придется посылать за специалистом, а это очень долго... Слишком много возни, за которую мне никто не заплатит! Кстати, а были ли трупы повреждены? Была ли разорвана одежда?

– Нет, почти нет. В одежде был некоторый беспорядок, но дикие звери оставляют другие следы.

– Тогда это и не эстри... – пробормотал Халай. – Да и откуда бы здесь взяться эстри? Содом и Гоморра далеко... Нет, скорее всего, это все-таки вампир. Какая-то редкая разновидность. Не было у меня забот... Что я получу за помощь тебе?!

– Удовлетворение от того, что смог оказать городу важную услугу, – спокойно ответил Хакуррай.

– Да-да, это я знаю и без тебя. Пропустим бесполезный мусор и перейдем к звенящему золоту. Сколько?!

– Эн Симурума щедр. Он вручит тебе четверть снизки золотом за помощь.

– Пятнадцать сиклей золота?! – жадно выпучил глаза Халай. – О! О! О! Что же ты молчал, презренный кусок ослиного навоза, с этого надо было начинать! Мне мало четверти снизки – я желаю треть! Треть снизки золотом!

Лугаль недовольно нахмурился. Креол, все еще сидящий под столом, криво усмехнулся. Старый скряга своего не упустит. Пятнадцать сиклей золота – это огромная сумма. Если уж городской эн готов выплатить ее чужеродному магу из касситов – его и в самом деле здорово припекло.

И раз Халай начал браниться – он тоже это понял. Понял, что необходим позарез, и мгновенно осмелел.

А осмелев – обнаглел.

– Наш эн оценил сложность работы, исходя из числа жертв, – сухо заметил Хакуррай. – Всего погибло пятнадцать свободных авилумов – и ты получишь пятнадцать сиклей золота.

– А рабов? Сколько погибло рабов?

– Рабов мы не считали. Возможно, столько же или немного меньше.

– В самом деле? А что говорят их хозяева? Понимают ли они, как самоотверженно заботится о их имуществе лугаль Симуррума?

– Не шути со мной, почтенный абгаль, – добавил холода в голос Хакуррай. – Отвечай, принимаешь ли ты работу или же мне послать гонца в Вавилон, испросить помощи Башни?

– Не надо, – торопливо ответил Халай, брезгливо поджав губы. – Я принимаю работу.

Хакуррай удовлетворенно кивнул. Само собой, жадному касситу не хочется, чтобы город обращался к Гильдии. Верховный Маг не откажет в помощи, но непременно поинтересуется – а разве не живет в Симурруме магистр демонологии Джи Беш? Что случилось – старый пес вконец обленился, не желает покидать конуры? Может быть, магический жезл стал слишком тяжел для него?

Судя по осунувшемуся лицу Халая, он тоже подумал о таком варианте развития событий.

– Тряпки! – зло рыкнул уважаемый маг.

– Что-что? – недоуменно нахмурился Хакуррай.

– Это я не тебе. Креол, Шамшуддин! Собирайте свои тряпки, зловонные выблядки! И скажите Хатабу, чтобы приготовил мою колесницу! Придется, видно, все же потревожить мои старые кости...

– Сколько воинов тебе дать? – по-деловому осведомился лугаль.

– Ни одного. Твои меднолобые недоумки мне только помешают. Что с них проку? Путаться у меня под ногами? Благодарю покорно!

– Как пожелаешь, – быстро согласился Хакуррай.

На лице лугалья промелькнуло облегчение. Хорошо, что не придется рисковать добрыми стражниками. Пусть маг делает работу, которую он умеет делать лучше других. А если старый ублюдок сдохнет – потеря невелика.

Кто бы ни победил, от одной твари город избавится.

Овцы тревожно заблеяли, глядя вверх по течению. Пастух, приведший их на водопой, оперся на посох и поднял ладонь к глазам. Едет кто-то. Колесница большая, дорогая, запряжена двумя онаграми.

– Спокойно, трусливые блеялки, – недовольно проворчал пастух, следя за всполошившимися овцами. – Просто путник. Человек. Пейте себе дальше.

Колесница съехала по склону и начала притормаживать. Возница – черноволосый юноша лет шестнадцати – натянул поводья, останавливая онагров. Еще один юноша, бегущий рысью чуть позади, смахнул со лба пот – не так-то легко держаться наравне с ездовым онагром.

Пастух удивленно покосился на этого второго. Эбеновая кожа и ни единого волоска на голове. Жрец-евнух, да еще и кушит? Откуда такое могло взяться здесь, в долине Тигра и Евфрата? Касситы иногда встречаются – этот народ живет не так уж далеко – но кушиты...

В колеснице что-то зашевелилось. На глазах изумленного пастуха из нее вылез дряхлый трясущийся старик с козлиной бороденкой и весьма типичными чертами лица. Вот уж верно говорят – вспомни кассита, он тут же и появится.

А за поясом старика – длинный золотой жезл, кои являются обязательной принадлежностью магов...

Смекнув, кто перед ним, пастух торопливо поклонился, пряча лицо в ладонях. Халай Джи Беш окинул его пренебрежительным взглядом и проворчал что-то снисходительное.

– Мир тебе, почтенный абгаль... – пролепетал пастух. – Это величайшая честь для меня...

– Можешь выпрямиться, дерьмо прокаженной ослицы, – благодушно произнес старый маг, сонно плямкая губами. В поездке его быстро сморило на солнышке, и он всю дорогу дремал на дне колесницы. – У меня сегодня хорошее настроение.

Пастух склонил голову еще ниже, стараясь скрыть брезгливую гримасу. Ветер переменялся, и его обдало запахом вонючего стариковского пота.

Такое впечатление, что почтенный маг не мылся уже несколько лет...

Пока любимый учитель зевал и почесывался, ученики трудились не покладая рук. Креол распряг и стреножил онагров, Шамшуддин развел костер. В конце концов, именно для того старый мерзавец их с собой и прихватил. Любимого правнука Эхтанта, конечно же, оставил дома, играть с наложницами в шек-трак и свечу.

А вот Креолу с Шамшуддином отдых в ближайшее время не светит. В доме учителя с ними обращаются даже хуже, чем с рабами. Беда, если Халай заметит за бездельем – будет колотить, пока не сломает пару ребер. А то хуже – загонит в пятки иглы и заставит бегать кругами. Он так уже пару раз наказывал.

Недаром же в башне Гильдии Халая Джи Беш называют исключительно «потрошитель учеников».

Старый маг поковырял в носу, глядя на тлеющий хворост. Перевел взгляд на суетящихся у костра Креола и Шамшуддина. Недовольно покосился на робко сидящего в сторонке пастуха.

В обычное время тот поспешил бы увести стадо куда подальше, но теперь, когда в округе бесчинствует некая тварь, ночи стали небезопасны. Последнее время каждый рассвет – как праздник. И уж если рядом случился маг, будет просто глупостью не воспользоваться его защитой.

Пусть даже придется ради этого пожертвовать овцой.

– Я как раз собирался резать ягненка, – подобострастно сказал пастух, заметив нахмуренные брови мага. – Не изволит ли почтенный абгаль разделить трапезу с ничтожным, что не смеет поднять глаз в присутствии господина?

– Ягненок? – оживился Халай. – Ягненок – это хорошо, баранину я люблю. Так и быть, позволяю тебе усладить мое чрево твоим угощением.

Креол с Шамшуддином тоже оживились. Мясо им доводится есть не так уж часто – учитель все-таки редкостный скупердяй. Но даже прожорливое брюхо Халая Джи Беш не вместит целого ягненка – что-то непременно достанется и им.

Пока пастух резал молоденького барашка, Халай скучающе зевнул, глядя на идущее к закату солнце. Если верить лугалю Хакурраю, все нападения происходили ночью, под звездным небом. Чем бы ни была неизвестная тварь, днем она не показывается. Спит в какой-нибудь норе или вовсе удаляется в одно из бесчисленных измерений, что таятся за Кромкой.

Значит, нужно немного выждать. Чем-нибудь заняться. Чем-нибудь развлечься. Спать не хочется – отоспался, пока ехали. Мясо еще не готово...

– Так! – вдруг рявкнул Халай, переводя взгляд с Креола на Шамшуддина. – Ты... и ты!

– Что повелишь, учитель? – хором спросили ученики.

– Деритесь!

Креол с Шамшуддином озадаченно переглянулись. Их старый учитель и раньше многоразов самодурствовал, но такое отчудил впервые.

– С кем драться, учитель? – на всякий случай уточнил Креол.

– Друг с другом, идиоты! Мне надоело бить вас самому! Скучно! И рука устала! Так что избивайте друг друга сами – не все же учителю за вас отдуваться?!

– Но...

– Как ты смеешь пререкаться, дерзкий щенок?! – мгновенно остервенел Халай.

Щуплый старикашка с быстротой молнии подлетел к Креолу и саданул сухоньким кулачком в солнечное сплетение. Ученик согнулся и выпучил глаза, не в силах выдавить ни слова. Шамшуддин сочувственно поморщился – но в следующий миг ему в лоб врезался жезл учителя. Халай Джи Беш метнул его с удивительной точностью.

Пастух, размеренно вращающий вертел, содрогнулся в страхе. Дряхлый кассит выглядит хилым, чахлым – дунь, улетит! – но дерется не хуже опытного воина. Его подопечные – молодые парни, сильные и быстрые, но мерзкий старикашка лупит и швыряет их, как слепых котят. Аж жуть берет от такого зрелища.

Нет уж, от магов и магии лучше держаться как можно дальше.

Слегка отойдя от вспышки гнева, Халай упер руки в бока и хрипло каркнул, глядя на избитых учеников:

– Поднимайтесь, ничтожества!

Помогая друг другу, Креол и Шамшуддин кое-как уселись на землю. Старый учитель неодобрительно покачал головой, цокнул языком, уловив явную ненависть в глазах учеников, и фыркнул:

– Вы что же думаете, щенки, мне нравится над вами издеваться?!

Креол удивленно выпучил глаза, Шамшуддин приоткрыл рот...

– Правильно думаете! – торжествуя расхохотался Халай. – Очень нравится!

По счастью, тут ноздри учителя жадно задергались. До них добрался ароматный дымок от костра. Запах жареной баранины вызвал у Халай обильное слюнотечение, и он на время оставил учеников в покое. Даже неразборчиво пробурчал, что они тоже могут взять малую толику мяса.

Креол принес из колесницы узел с провизией. Ячменные лепешки, толченый чеснок, горчица – ничто из этого жареному мясу не повредит. Халай Джи Беш самолично разделал ягненка, орудуя ножом с такой скоростью, что пастух вновь задрожал от страха.

– Ленивые прожорливые выродки, – неодобрительно прочавкал старый маг, видя, как жадно уписывают мясо ученики. – Вы оба – бесполезный мусор. Вы умеете только жрать и выводить меня из себя. Больше ничего не умеете. Отвратительно. Воистину отвратительно.

Креол и Шамшуддин часто кивали, не переставая отправлять в рот кусок за куском. Противоречить учителю нельзя ни в коем случае – мгновенно вспылит и начнет орудовать жезлом.

Халай посмотрел на солнце, заходящее за рошу. Уже скоро. Сумрак сгущается, тени удлиняются. Овцы сгрудились в кучу, многие уже дремлют.

– ...Места здесь гиблые... – тем временем рассказывал его ученикам пастух, тревожно озираясь по сторонам. – Старики говорят, тут и раньше люди пропадали. Но раньше редко – трое-четверо за год, не больше. Такое везде случается – волкам на зуб попадешься или с упырем повстречаешься... Бывает всякое. Про царь-кабанов слышали?..

Шамшуддин наморщил лоб, что-то смутно припоминая. А Креол сразу мотнул головой – он ничего такого не слышал.

– Ну так вот, – оживился пастух, довольный возможностью почесать языком. – Обычный кабан – он зверь обычный. Гуляет себе по лесу, желуды роем, песни хрюкает. Конечно, на пути его попадаться не стоит. Свинья – она и есть свинья. Увидит человека – даже не думает ни минуточки, сразу с места в галоп, да клыками!.. Совсем как...

Пастух невольно покосился в сторону Халай Джи Беш. Креол с Шамшуддином в ужасе выпучили глаза, замотали головами – беда, если учитель распознает намек!

К счастью, внимание старого мага было полностью поглощено жареным барашком, и он ничего не заметил. Ученики облегченно вздохнули и выжидающе уставились на пастуха. Тот отхлебнул воды и степенно продолжил:

– Ну так вот. То, значит, обычный кабан. Их в здешних лесах довольно много – вот, шури́н мой на них часто охотится. С луком, с рогатиной. Но перед всяким походом обязательно бывает в храме. Кладет монету доброму Думузи, прозванному Таммузом, да просит всякий раз об одном – не дай повстречать царь-кабана!

– И что это за зверь такой? – наморщил лоб Креол.

– Это ужас, отрок! Ужас в свиной шкуре! Выглядит-то он точь-в-точь, как самый обычный кабан – и клыки те же, и пяточок, и щетина... Ни одного различия. А только встретиться с ним и врагу не пожелаешь. Рассказывают, что боги, когда творили кабанов, малость зазевались и по ошибке вложили в одного из них силу дракона! Вот и попадают иногда среди обычных кабанов царь-кабаны...

– И что же они, огнем пышут? – удивился Креол.

– Да нет, от этого боги миловали. Просто сильные они, как... как... один Энки знает, как кто. Как сам Хумбаба, не иначе. Шури́н рассказывал, что царь-кабан ударом пяточка сшибает столетний каштан, взмахом клыка прорезает в земле овраг. Бороться с ним – гиблое дело, стрелы с копьями его шкуру только смешат. Вот так вот.

– Так это что, царь-кабан у вас здесь людей убивает?

– А?.. Да нет, конечно! – махнул рукой пастух. – Царь-кабан тут ни при чем, точно. Он человечину не ест – просто злобы дурной в нем столько, что аж из сраки хлещет. Вот и таранит всякого, кого увидит. А тут у нас другое что-то объявилось... Темная это история, почтенные, пахнет от нее... нехорошим чем-то пахнет, грязеньким... Тут ведь у нас возле рощицы раньше колдун один жил...

– Колдун?

– Ну да. А в прошлом году пропал куда-то. И хижина его сгорела. Месяца три-четыре после того все тихо было, никто ничего не слышал, а потом началось... Что ни день, то очередной труп находят. И все – как мумии. Высушены так, словно год в пустыне пролежали. Из поселений люди уходить начали, ночью никто носу за порог не высовывает... А уж чтобы в рощу после захода солнца зайти... хотя при солнечном свете тоже никто не суется. Страшно.

– И кто?.. – чуть приподнял бровь Креол.

– Один Энки знает, – понял его с полуслова пастух. – Тварь некая. Шури́н мой говорит, что себетту у нас завелся...

– Себетту?! – презрительно хохотнул Халай. Плотно набив живот, он начал прислушиваться к разговору. – Да твой шури́н глупей, чем подошвы моих сандалий! Чего еще ждать от презренных грязеедов?! Себетту, подумать только!

Мысленно Креол с ним согласился. Он уже несколько месяцев учится демонологии и, конечно же, прекрасно знает, кто такие себетту. Могучие воины-демоны с орлиными крыльями и шестью бычьими рогами – они неудержимы в битве и безжалостны к врагам. Даже архимаги страшатся поспорить с себетту – это не тот враг, которого можно недооценивать.

Но таинственный ночной убийца – совершенно точно не себетту. Эти демоны сражаются беспощадно, но и бесхитростно. Исподтишка не нападают, воюют открыто и даже в какой-то степени благородно. К тому же убитых они не трогают. Оружие себетту – меч, огромный меч, источающий смертельный яд. И еще они выдыхают пламя, обугливая врага до хрустящей корочки.

Но высасывать кровь, оставляя иссушенные трупы... нет, кто-кто, а себетту здесь ни при чем.

– Вы все – пустоумные бараны с навозом в головах, – брезгливо фыркнул Халай, обсасывая кость. – Вам несказанно повезло, что у вас есть магистр Джи Беш. Недоумки! Не говорят ли – зверя узнаешь по следам, а человека по почерку? Не говорят ли – скажи мне, что ты ешь, и я скажу, кто ты есть? Или вернее так – скажи мне, КАК ты ешь, и я скажу, что ты за тварь!

– А-а?.. – перепуганно сглотнул пастух.

– Последнему дурню понятно, что, если из жертвы высосана кровь и прочие жизненные соки, но мясо оставлено в целости – мы имеем дело с неким типом вампира. Это может быть некий зверь, нежить, демон – но это несомненно вампир! Сосун! Кровопийца! Самая мерзкая погань, что только способен измыслить человеческий разум! Эй, два недоноска! Достаньте письменные принадлежности!

Креол и Шамшуддин мгновенно извлекли из-за поясов папирусные свитки и тростниковые каламы, заправленные чернилами. Учитель требует, чтобы ученики в любой момент были готовы записать его мудрые слова.

Очень хорошо, что в земле Та-Кемет придумали такие полезные вещи, как папирус и каламы. Иначе пришлось бы писать так, как исстари принято в великом Шумере – выдавливая значки на глиняной табличке, а затем обжигая ее в печи.

Счастлив писец, не ведающий подобного труда.

– Вампиры! – бешено загорелись глаза Халай. – Вампиры были всегда и везде. И везде следовали за людьми, везде зависели от людей, везде паразитировали на людях. Вампир – это нежить. Ходячий мертвец. Бессмертный труп. Не знающий старости и болезней, не чувствующий боли и усталости. Высшая форма жизни... как эти твари утверждают. Но нежить все равно остается нежитью. У нежити нет той части души, что есть у живых – праны. Жизненной энергии. Того, что отличает живое от мертвого. Если в теле есть прана – это живое тело. Если нет – мертвое. Даже если оно ходит, говорит, мыслит – это все равно не жизнь, а лишь ее внешнее подобие. Суррогат. Фальшивка. Подделка. Имитация. Вам ясно?! Вы записываете?!

– Записываем, учитель! – прогундел Шамшуддин, усердно водя каламом по папирусу.

– Итак, вампиры – это нежить, – важно поднял палец старый маг. – Псевдожизнь. Гнилое мертвое мясо, прикидывающееся человеком. Но весьма умело прикидывающееся, надо сказать. Обычный вампир красив. Очень красив. Ослепительно красив. Точнее, так кажется, если ты с ним разного пола. Если ты мужчина, а вампир – женщина. Или если ты женщина, а вампир – мужчина. Эти твари очень умело наводят морок, представляя перед своими жертвами в бесподобно прекрасном обличье. Заманивают жертву, соблазняют ее, усыпляют бдительность... а потом вонзают клыки и высасывают, как спелый плод! Однако если вы с вампиром одного пола, его чары на вас могут и не подействовать – вполне может статься, что вы увидите его таким, каков он есть. Омерзительным трупообразным уродцем с прогнившей кожей.

– Похожим на тебя, учитель? – почтительно спросил Креол.

– Да, похожим на меня... что-о-о?! Что ты сейчас сказал, дерзкий мальчишка?! Да как ты осмелился?! Как твой поганый язык посмел выговорить столь поганые слова?! Воистину это стоит жезла!!!

У Креола перед глазами поплыли звездочки. Но внутренне он остался доволен. Привести учителя в такое бешенство – это действительно стоит парочки тумачков.

В конце концов, ему не привыкать.

– Если вы встретите вампиршу, – мрачно продолжил Халай, трясая уставшей рукой, – не вздумайте соблазниться ее белоснежной кожей и очами небесной лазури. Пусть эти коралловые губы и шелковые волосы не введут вас в заблуждение! Самые прекрасные цветки часто бывают ядовитыми... слишком часто! Слишком! Сразу же, сразу же поглядите на обманщицу истинным зрением... которому вы, никчемные идиоты, до сих пор не выучились! Поглядите на нее истинным зрением – и вас стошнит! Трупообразные гнилые старухи – вот как выглядят вампирши на самом деле! Вся их чарующая красота – ложь и морок, не больше! Так им легче заманивать добычу в силки! Их добыча – вы, жалкие ублюдки! Не забывайте об этом!

Креол с Шамшуддином, высунув языки, бешено строчили в свитках. Разумеется, пропуская брань, столь щедро приправляющую речь учителя.

– Вампиры – это самое гадкое изобретение тупиц-некромантов! – скрипнул зубами Халай. – В отличие от прочей как-бы-не-мертвой мерзости вампиры способны размножаться, плодить себе подобных самостоятельно! Однако совсем не так, как мы, живые и дышащие! Вампирам неведомо благословенное счастье деторождения! Вместо этого они превращают в подобных себе некоторых жертв! Далеко не всех, конечно, только «избранных»! Своих любимцев! Они – поганые ублюдки! – называют это Даром! Благодетели, бе-е-е! Мерзость! Само собой, если бы в вампиров превращался каждый укушенный, эти твари давным-давно заполнили бы весь мир. А это ударит прежде всего по ним самим – ведь тогда они попросту передохнут от голода! Для того чтобы жить, каждому надо кушать – иначе ничего не получится. Даже живые мертвецы нуждаются в пище, чтобы не стать мертвыми мертвецами, чтобы и дальше длить свое богомерзкое существование. Но вампиры отличаются от всех прочих тем, что не едят обычной пищи. Их жизнь, их энергия – это прана. Чудесная сущность, энергия, оживляющая все под этими небесами. А вампиры – трусливые вору, тайком сосущие прану у живых, питая свои мертвые тела! Обычно вместе с кровью. Кровь – это сама жизнь. Волшебная алая жидкость, напоенная праной так, как ничто более. Именно поэтому мертвецы-кровососы выглядят привлекательнее мертвецов-пожирателей вроде упырей – в мясе прана тоже есть, но меньше, гораздо меньше, чем в крови! Однако сама по себе кровь вампиру необязательна – просто именно вместе с ней проще получить нужную энергию. Но это необязательно. Существуют, например, маги-вампиры – они кровь не пьют, а высасывают энергию напрямую. Высасывают прану. А самые могущественные – и ману. В отличие от настоящих вампиров, энергетические – не нежить, а живые люди... но они еще хуже, хуже трупов! В нашей Гильдии подобных отщепенцев ждет только смерть, сожжение и забвение! И это правильно!

Халай Джи Беш говорит все быстрее и неразборчивее. С Креола и Шамшуддина градом льет пот – нелегко удерживать такой темп. Каламы уже опустели больше чем наполовину, место на свитках скоро закончится, а учитель все чешет языком. Перечисляет виды и подвиды вампиров, рассказывает о их особенностях, повадках и слабостях...

– Иные твари подобны вампирам в образе питания, – продолжал Халай, жестикулируя обглоданной костью. – Сосуны, живущие за счет вытягивания чужой энергии. Но уже не праны... о, в человеке множество, великое множество самых разных энергий! Некоторые из этих тварей вытягивают саму душу, оставляя пустую оболочку! После этого ты даже в Кур не попадешь!

Креола передернуло. Тростниковый калам едва не выпал из пальцев, по спине пробежала холодная дрожь.

– А ну-ка!.. – резко вырвал у него свиток учитель. – Та-а-а-ак... Это что такое, шакалья моча?! Ты не записал и половины изреченного мной! Ты безнадежно отстал! И ты тоже!.. – рывкнул Халай, выхватив свиток и у Шамшуддина. – Вы позорите меня, мерзавцы! Почему не записываете, выродки?!

– Но мы не успеваем! – взмолился Шамшуддин.

– Молчать, ничтожества! Только тот настоящий писец, чья рука не отстает от уст! Вы должны писать с той же скоростью, что и говорите! Пфе!.. Противно даже тратить на вас время!

Халай резко поднялся, отшвырнул прочь баранью лопатку, отхлебнул вина из кувшина и раздраженно фыркнул. Пояс с кистями упал на землю, подол туники задрался, и пламя костра жалобно затрещало – его оросил бурный поток. Креол, Шамшуддин и боязливо сидящий в стороне пастух одновременно покривились – в воздухе запахло вонючей стариковской мочой.

– Вот так-то, – угрюмо кивнул Халай, завязывая пояс. – Вот что я думаю о вас о всех.

Креола с Шамшуддином смотрели настороженно, ожидая подвоха. Неужели это все? Неужели мерзкий старик их даже ни разу не ударит? Подозрительно. Обычно в таких случаях он бьет учеников ногами и жезлом, а потом справляет им на лица малую нужду.

А один раз – даже большую.

Но на этот раз Халай Джи Беш ограничился тем, что потушил костер. Бросив взгляд на заходящее солнце, старик недовольно прокряхтел, проверил наличие за поясом жезла, и размахисто зашагал к чернеющим вдали деревьям.

Потеха потехой, а работа работой. Демонолога Халая обвиняли в бесчисленном множестве грехов, но еще никогда – в некомпетентности.

– Так печально, что эти два идиота – мои ученики... – грустно пробормотал Халай, зажигая над головой магический фонарь. – Я самый несчастный учитель на свете...

Луна сегодня яркая, все хорошо видно даже без чародейского света. Но войдя под лесную сень, Халай сразу замедлил шаг. Крючковатый старческий нос чуть дернулся. Волосатые ноздри раздулись, с шумом втягивая воздух. Демонолог почувствовал присутствие нечистой силы.

– Это не демон... – самому себе сказал Халай, привычным жестом выставляя защитный барьер и медленно шагая в самое сердце чащи. – Не нежить... Не дух... Не проклятый... Что-то... что же это такое?..

Спустя несколько минут в воздухе чем-то запахло. Теперь уже не сверхъестественные витания, заметные только опытному магу. Совершенно материальная вонь. Звериный пот и мускус.

– Чудовище, значит... – недовольно хмыкнул Халай, перехватывая поудобнее жезл. – Ну-ну...

Не самый лучший вариант. Демонологу привычнее иметь дело с потусторонней тварью, отродьем Тьмы из иного измерения. В нашем мире подобное создание – чужак, оно держится непрочно, его можно выдворить туда, откуда оно явилось.

Если обладаешь нужными навыками, конечно.

Но существуют и такие порождения Тьмы, что появились на свет в мире людей. Чудовища. В отличие от демонов, изгнать их невозможно – попросту некуда. Приходится убивать. А это не всегда удается легко – чудовища бывают всевозможных пород и обладают самыми разными свойствами и способностями.

С некоторыми нежелательно сталкиваться даже опытному магу...

– Хашшшшшшш!.. – выкрикнул Халай, резко разворачиваясь. С кончика жезла ударила ослепительная молния, прошившая насквозь древний дуб.

В свете заклинания что-то метнулось. Темный силуэт промелькнул между деревьями и исчез. Старик прищелкнул пальцами, увеличивая яркость магического светильника.

– Я найду тебя... – зло проворчал Халай, замирая неподвижно. – Найду... Пятнадцать сиклей золота, пятнадцать сиклей золота... я хочу их! Ради них я убью шестьдесят... нет, сто двадцать человек! Или одно чудовище.

Новая магическая вспышка. На краткий миг чашу озарило так, словно начался пожар. Взгляд Халая забегал туда-сюда, ища скрывшееся чудовище. Но вновь успел заметить только смутный силуэт, мелькнувший где-то вдалеке.

– Не играй со мной, мерзкая тварь! – прошипел старик, нашаривая за поясом коробочку порошка Вурх. – Я не из тех, кто позволяет подобное!.. Тха!.. Рес!.. Ши!.. Дала!..

Щепотка магической пылицы на долю секунды повисла в воздухе, а потом взметнулась кверху, расходясь белоснежной дугой. Вокруг начало светлеть.

– Посмотрим, как ты теперь спрячешься... – усмехнулся Халай... и осекся.

В лунном свете он увидел на земле тень. Довольно необычную тень. Сначала маг даже не понял, что в ней неправильно – вроде бы просто человеческий силуэт. Очертания плеч, головы, два глаза, рот...

А потом он сообразил. Глаза и рот. Откуда у тени могут взяться глаза и рот? Их никак не может быть. Тень всегда безлика.

Но здесь они есть. Беспросветно черное пятно на земле – а внутри два светлых кружка и изогнутая линия. Словно у хозяина этой тени в голове три сквозных дыры.

По костлявой спине пробежал холодок. Старый маг сразу же понял, с чем повстречался в этом страшном лесу. Только одна тварь в Шумере отбрасывает подобную тень.

В Гильдии полагали, что этот кошмар полностью вымер много веков назад... и до сегодняшней ночи Халай Джи Беш тоже так считал.

– Гаситель Света... – в ужасе прошептал маг, дрожащей рукой поднимая жезл.

Жуткая тень шевельнулась в ответ. Халай уставился на нее омертвелым взглядом, только теперь замечая знакомые черты в силуэте. Это его собственный силуэт – силуэт Халая Джи Беш.

Незримые щупальца уже проникли под кожу...

– Иииииииии!.. – раздался истошный визг.

Грозный маг в одно мгновение обратился перепуганным старикашкой. Халай попятился, развернулся и бросился бежать, едва не роняя жезл. Защитный барьер бесславно рухнул – его создатель утратил концентрацию.

В спину что-то ударило. С чуть слышным звоном рассыпалось заклятье Личной Защиты. Потеряв равновесие, демонолог запнулся о корень и повалился ничком, раскинув руки. По всклоченной бороденке потекло что-то липкое – Халай разбил скулу о камень.

– Мардук, спаси и защити, Мардук, спаси и защити... – исступленно забормотал старик, съезживаясь в комочек. Он и думать забыл о волшебстве – за всю историю Шумера еще не бывало такого, чтобы человек победил Гасителя Света, вышедшего на охоту. – Маа-а-а-а-а-а-ар!.. ахрррррр...

Шею пронзило острой болью. В лопатки вошли длинные когти, копчика коснулось что-то скользкое. Халай Джи Беш забился в агонии, на губах вспенилась слюна, белки глаз налились кровью.

Потом сознание милосердно померкло.

Креол зевнул и раскинул руки, глядя на звезды. Счастливы те, кому довелось родиться и жить в благословенном Шумере. Полуденное солнце печет кожу, но наступает ночь – и на смену жаре приходит блаженная прохлада. Боги смотрят с небес на людей, радуясь их удачам и огорчаясь бедам.

– Не спишь, брат?.. – сонно пробормотал Шамшуддин, приподнимаясь на локте. – Что-то учитель долго не возвращается...

– Может, его сожрали? – предположил Креол. В голосе прозвучала искренняя надежда.

– Скорее уж бык даст молока... – усомнился Шамшуддин.

– Да, наверное. Но вдруг? У меня такое предчувствие, что сегодня мне повезет.

– А мне?

– Не трогай мое предчувствие. Пользуйся своим.

Шамшуддин потянулся и легко вскочил на ноги. Юноша с кожей цвета эбенового дерева сделал несколько гимнастических упражнений, с хрустом мотнул головой влево-вправо и замер, скребя в затылке. Предрасветную тишину нарушило голодное бурчание.

– Мясо еще осталось? – поинтересовался Креол, тоже поднимаясь на ноги. – Надеюсь, поганый уткукк вчера не все сожрал?..

Мясо осталось. Старый пастух увел стадо еще час назад, не дожидаясь восхода, но тушу ягненка, разумеется, уступил гостям. В благодарность за безопасную ночь.

Шамшуддин вынул из-за пояса нож и нарезал остывшую баранину плоскими ломтями. Креол молча подгреб к себе добрую половину и принялся уписывать. Белоснежные зубы кушита-полукровки тоже занялись делом.

Оставить что-то учителю ни один из учеников даже не подумал.

– Смотри-ка, бредет кто-то, – невнятно прочавкал Шамшуддин, облизывая жирные пальцы. – Учитель?..

– Походка другая, – мотнул головой Креол, бросив короткий взгляд. – Это какой-то бродяга. Очень старый и больной.

– Я всегда восхищался твоей наблюдательностью, брат.

– Я тоже. Спрячь мясо. Если будет попрошайничать – у нас ничего нет.

Шамшуддин повертел головой, безуспешно пытаясь найти место, куда можно что-нибудь спрятать. Ничего не нашел. Тлеющая зола в костре, невысокая трава, их с Креолом туники и набедренники... До колесницы почти полсотни шагов...

– Креол!.. Шамшуддин!.. – послышался слабый оклик.

– А, так это все-таки учитель, – недовольно пробурчал Креол, щуря глаза.

– Что, брат, надежды не оправдались? – ехидно посмотрел на него Шамшуддин. – И наблюдательностью твоей я зря восхищался...

– Отстань.

Халай Джи Беш подполз к костру только через несколько минут. Его походка действительно изменилась – появилась неуверенность, ноги стали подкашиваться. Бесследно пропал тот легкий пружинящий шаг, с которым престарелый демонолог двигался раньше.

Да и внешне Халай переменялся. Глаза помутнели, губы стали болезненно кривиться, пальцы мелко дрожат, на скуле – запекшаяся кровь. Теперь учитель и в самом деле выглядит на свой истинный возраст – сто четыре года.

– Что с тобой, учитель? – с подозрением спросил Креол. – Ты выглядишь так, словно сейчас сдохнешь.

– Может, тебе присесть, учитель? – предложил Шамшуддин. – Вот, у нас еще осталось немного вчерашней баранины. Она остыла, но...

– Креол!.. Шамшуддин!.. – прослезился Халай, раскрывая объятия. – Как же я рад вас видеть! Мои любимые ученики!

Креол резко отпрыгнул назад. Шамшуддин на миг замешкался, но последовал его примеру.

– Это не наш учитель! – прорычал Креол, сжимая кулаки. – Это демон в его обличье!

– Точно! – расширились глаза Шамшуддина. – Ты несомненно прав, брат!

– Да нет же! – жалобно взывал Халай, с трудом волочась за отступающими учениками. – Креол, Шамшуддин, пожалуйста, поверьте, это я, ваш учитель! Верьте мне, умоляю!

– Ах ты, проклятый самозванец! – подобрал с земли камень Креол. – Наш учитель – мерзкий злобный урод, он за всю жизнь не произнес ни одного доброго слова!

– Сразу видно, что этот демон никогда не встречался с настоящим Халаем! – поддакнул Шамшуддин.

– Говори, кто ты такой, обманщик! – швырнул камень Креол. – И куда подевал нашего учителя?!

Булыжник угодил Халаю прямо в лицо. Старик вскрикнул от боли, прижимая ладони к губам. По бороде потекла кровь.

Ноги Халая подкосились. Он шлепнулся на землю, спрятал голову меж коленей и горько зарыдал. Креол с Шамшуддином озадаченно переглянулись.

– Знаешь, брат, я не знаю, кто этот демон, но выглядит он точь-в-точь как наш учитель... – неуверенно произнес Шамшуддин.

– Да и пахнет так же... – дернул носом Креол.

– Может, это все-таки не самозванец?

– Да уж, трудно поверить, что кто-то по доброй воле согласился бы так смердеть...

Юноши медленно подошли к плачущему старику. Креол подобрал с земли веточку, оставшуюся от собранного вчера хвороста, и осторожно потыкал Халаю в плечо.

– Эй, – позвал он, готовясь в любой момент отпрыгнуть назад. – Демон. Ты кто такой? Говори правду и не говори лжи.

– Я ваш учитель! – поднял заплаканное лицо старик. – Халай Джи Беш, магистр Гильдии!

– Лжешь. Зачем ты лжешь? Говори правду.

– Это правда, проклятый щенок! – исказилось злобой морщинистое лицо.

Креол вздрогнул. В облике неизвестного самозванца вдруг проступил их ненавистный учитель. Может, это и в самом деле он?

– Докажи, что ты – это ты, – предложил Шамшуддин. – Наш учитель – великий маг. Магистр демонологии, не знающий себе равных в подлунном мире. Сотвори какое-нибудь заклятие и докажи, что умеешь колдовать. Мы не требуем многого – подойдет любой пустяк.

– Отличная идея! – оживился Креол. – Слышишь, демон? Докажи нам, что ты Халай! Если сможешь, конечно.

– Не могу! – закачался из стороны в сторону старик.

– Я так и думал. Ты не Халай, а просто какая-то нечисть, замыслившая обмануть нас этой личиной. Но мы не так глупы!

– Брат, а помнишь, что учитель рассказывал вчера? – напрягся Шамшуддин. – О вампирах, которые принимают человеческий облик, чтобы подкрасться к жертве?

– Точно! Это вампир!

– Только почему он тогда принял именно такой облик? – продолжал размышлять вслух Шамшуддин. – Куда умнее было бы замаскироваться под нагую одалиску... Вампир мог бы сказать, что на него напали разбойники, украв всю одежду, а пока мы тарасились бы на его перси...

– Не подсказывай ему! – зашипел Креол.

– Вы безмозглые недоумки, – пустым голосом произнес Халай, поднимая взгляд. – Вас совершенно бесполезно чему-либо обучать. Вы даже не можете отличить человека от вампира. Вас надо выгнать с позором из моих учеников. Гильдия только выиграет, если в ней никогда не появится подобного отребья.

Креол с Шамшуддином запнулись. Если оставить неживой тон, это звучит довольно похоже на их учителя. Он частенько им такое говорит – только обычно более эмоционально.

– Это и в самом деле ты, учитель? – неуверенно спросил Шамшуддин.

– Жезл похож, – опустил взгляд Креол. – Но если бы это был учитель, он бы мог колдовать.

– Это на самом деле я! – злобно прохрипел Халай. – Не испытывайте мое терпение, отроки! Это я, но... но уже немного и не я...

– Объяснись, – снова ткнул в него веточкой Креол.

– В той роще... в той роще... – с трудом заговорил старик. – В той роще я столкнулся с Гасителем Света!

Креол и Шамшуддин переглянулись. Они ничего не поняли.

– Достаньте письменные принадлежности, – проскрипел Халай, жалобно кривя рот. – Сейчас я расскажу вам о той твари, что наиболее страшна для мага. Для любого мага. Себетту?.. Редехор?.. Демон Бури?.. Адский дух?.. Нет, нет и еще раз нет! Гаситель Света – вот кошмар из кошмаров, с которым не пожелает встретиться ни один из нас!

Креол и Шамшуддин сглотнули, в страхе поглядывая на ряд деревьев вдали. В том, что перед ними именно Халай Джи Беш, они перестали сомневаться... но что же с ним произошло в той зловещей роще?

– Так кто это – Гаситель Света? – спросил Шамшуддин. – Я никогда раньше про таких не слышал...

– И я.

– Где же вам... – покривился Халай. – О Гасителях Света никто ничего не слышал уже несколько поколений. Еще до моего рождения Гильдия объявила на этих тварей настоящую охоту, истребив всех до последнего. Только после этого маги сумели вздохнуть спокойно. Меня еще обучали, как сражаться с Гасителями Света, но уже вскользь, буквально в двух словах. К тому времени они уже ушли в историю. Я и вовсе не собирался вас этому учить – зачем давать бесполезные знания? Попусту тратить мое бесценное время? Я никогда раньше не видел эту тварь ни живой, ни мертвой... узнал только по описанию...

Халай помолчал, справляясь с подкатившим к горлу комком. Он все еще переживал тот липкий страх, что нахлынул в темной роще.

Потом он заговорил снова:

– Гаситель Света – это вампир. Как я и предполагал, все эти убийства – дело вампира. Но не обычного вампира-нежити. Гаситель Света – чудовище, не имеющее ничего общего с людьми. Я не знаю, откуда оно здесь взялось, но подозреваю, что тут приложил руку тот колдун, что раньше жил возле этой рощи. Не знаю, откуда и зачем он его приволок... да и какая теперь разница? Этот глупец теперь во мраке Кура и ничего не расскажет. А Гаситель Света – здесь. И охотится. Эта тварь почти невидима и не отбрасывает тени даже в самый яркий полдень. Зато во время охоты ее всегда сопровождает чужая тень – тень намеченной жертвы. Правда, ночью ее все равно не видно... но я ее видел. Гаситель Света опасен – очень, очень опасен. Он слышит мысли противника, чувствует его намерения, даже видит на несколько секунд вперед будущее! А еще он чувствует магию – заранее знает, какое заклинание будет использовано, и всегда успевает уклониться. Гаситель Света движется с невероятной скоростью, с легкостью ускользая и от стрелы, и от копья, и от молнии мага. От него же самого защититься очень сложно. Гаситель Света ломает ментальную защиту, лишает воли, опутывает жертву незримой паутиной страха и безысходности, вселяет в душу непереносимый ужас, а когда жертва уже напугана до смерти и бежит без оглядки – нападает. Нападает всегда сзади. Вонзает жало в шею и высасывает... высасывает саму жизнь!

– Но как же тогда остался жив ты, учитель?

– Только благодаря тому, что я маг, – горестно посмотрел на свои руки Халай. – Маги для Гасителя Света – особенное лакомство. По нашим духовным линиям циркулирует мощная энергия – нет большей радости для Гасителя Света, чем напиться этой блаженной сомы! Вонзив жало в мага, тварь выпивает из него... выпивает... высасывает магическую силу! Моя седьмая оболочка теперь суха и безжизненна, ученики! Гаситель Света превратил меня в простого смертного! Я больше не могу колдова-а-а-а-а-а-ать!!!

Креол с Шамшуддином снова переглянулись, ошарашенные такой новостью. Теперь стало понятным, почему их учитель так на себя не похож. Магия для мага – это все. Маг, утративший власть над заклинаниями, подобен безрукому ремесленнику, подобен безногому скороходу. А если пострадавший маг – дряхлый старец, уже не способный нормально существовать без чар...

Неудивительно, что Халай Джи Беш так страшно подавлен.

Осознав, что их учитель теперь столь же слабосилен, что и всякий старик его возраста, Креол и Шамшуддин неуверенно улыбнулись. Обменялись понимающими взглядами. Посмотрели на горько плачущего Халай. А потом одновременно воскликнули:

– Бей его!!!

Халай Джи Беш истошно завопил, закрывая лицо руками. Налетевшие ученики принялись безжалостно дубасить его кулаками и пинать сандалиями. Креол вырвал у учителя жезл и что есть мочи ударил воющего старика по затылку. Траву оросила кровь.

– Хватит, довольно, пощадите!.. – тоскливо заскулил Халай, безуспешно пытаясь отползти.

– Смерть тебе!.. – пропыхтел Шамшуддин, залепляя учителю ногой с разворота.

– Сдохни, мерзкая тварь!.. – рявкнул Креол, снова размахиваясь жезлом.

Через пару минут престарелый маг замер неподвижно. На нем не осталось живого места. Слегка уставшие Креол и Шамшуддин остановились и радостно переглянулись.

– Мы победили Зло, брат, – тяжело дыша, сказал Шамшуддин.

– Теперь мир сможет вздохнуть спокойно, – кивнул Креол, отбрасывая жезл Халая. – Только вот...

– Только вот?..

– Надеюсь, он все-таки не до конца сдох. Если в Гильдии узнают, что мы прикончили учителя...

Шамшуддин в страхе выпучил глаза. Ему, полукровке, незаконнорожденному ребенку, прижитому от раба-кушита, нечего и надеяться на милосердие имперского суда. Креолу с этим проще, он все-таки единственный наследник двух архимагов – своих отца и деда. Юноша знатнейший из знатных.

– Вроде жив, – приложил ухо к чахлой груди учителя Креол. – Я слышу стук.

– Сердце?..

– А что, там что-то еще может быть? – хмуро посмотрел на товарища Креол. – Эй, старый урод, ты меня слышишь?..

Халай слабо застонал. Тонкая рука, увитая синими венами, шевельнулась, цепляясь за край набедренника Креола. Веки поднялись, открывая помутневшие глаза.

– Жив, – облегченно вздохнул Шамшуддин.

Избитый до потери сознания учитель приходил в себя довольно долго. Но в конце концов все же сумел усесться ровно и даже начал кое-как ворочать языком.

– Неблагодарные мерзавцы... – всхлипнул Халай, утирая глаза. – Как вы могли так со мной поступить?! И это после всего того, что я для вас сделал!.. Разве не кормил я вас хлебом, разве не поил ячменной сикерой?..

Креол и Шамшуддин угрюмо промолчали. Ужасно хочется завершить начатое и добить учителя. Но неприятности могут быть и вправду нешуточными, так что лучше все же подавить благородные желания.

– Слушайте меня, ученики, – проглотив гордость, заговорил Халай. – Гаситель Света высосал досуха мою седьмую оболочку. Лишил меня магических сил. Но именно благодаря этому я остался жив – поглотив мою силу, тварь вполне насытилась и оставила меня в покое. Сейчас Гаситель Света спит в какой-нибудь норе, переваривая то, что сожрал. Вы должны помочь мне вернуть способности!

– А это возможно? – с явным сожалением спросил Креол.

– Да. Способ есть. Нужно убить эту тварь до того, как зайдет солнце. Убить и принести мне ее внутренние органы. Там есть такой особый орган... как бы желудок, но не желудок. Этой штукой Гаситель Света переваривает украденную у людей энергию. И если до захода солнца я этот желудок съем, мои способности ко мне вернуться! Может быть, не в полном объеме, но вернуться!

Креол и Шамшуддин опустили глаза, делая вид, что не понимают, о чем речь. Не очень-то хочется идти в эту страшную рощу и сражаться с тем, кто с такой легкостью одолел их учителя.

Тем более, что выгода весьма сомнительна.

– А другого способа нет? – с надеждой спросил Шамшуддин.

– Есть, как не быть... Я могу просто обучиться всему заново, как учитесь сейчас вы, – пробурчал Халай. – Конечно, повторно я обучусь гораздо быстрее – знания-то никуда не делись, по-прежнему здесь, в черепе... Просто снова натренироваться... снова развить седьмую оболочку... но даже так это займет многие месяцы, если не годы...

– Мы тебе в этом поможем, учитель! – оживился Шамшуддин.

– Ты же никуда не торопишься? – поддакнул Креол.

– Не тороплюсь?! – зло сверкнул глазами Халай. – Я очень даже тороплюсь! Посмотрите на меня, глупцы! В отличие от вас, я не зеленый отрок, лишь недавно отлученный от материнской груди! Мне сто четыре года! Уже лет тридцать я поддерживаю жизнь магией! Теперь, когда я ее лишился, я могу умереть в любую минуту! Умереть просто от старости, как мне давно положено!!! Вы этого хотите?!

– Нет, нет, не хотим! – истово закивали ученики.

– Сожри вас Нергал, а почему вы тогда киваете?! О-о-о, я все вижу, я все понимаю! Ваши презренные уста лгут, но ваши члены выдают истину! Вы хотите, вы жаждете моей смерти, мерзавцы! – захрипел Халай, потрясая высохшей десницей. – Но у вас ничего не выйдет! Ничего не получится! Я пока еще не собираюсь в Кур! Мне еще рано становиться добычей Безголовых! Клешни асаку до меня не дотянутся!

– А жаль, – вполголоса пробормотал Креол.

– Я это слышал! – гневно выпалил Халай.

– Ну и что с того? – дерзко посмотрел на него Креол.

Халай Джи Беш плотно стиснул челюсти. Все тело ломит от ужасных побоев. Утратив магические способности, он уже не в состоянии просто исцелить синяки парой заклятий.

И эти два юных ублюдка могут сделать с ним все, что пожелают. Здесь, в уединенном месте вдали от людей он совершенно беспомощен. Кричи, не кричи – никто не услышит, никто не поможет.

– Креол, Шамшуддин, но я же все-таки ваш учитель!.. – попытался ласково улыбнуться Халай.

Ученики невольно отшатнулись – такая мерзкая гримаса появилась на морщинистом лице.

– Вы же мои любимые ученики! – протянул руки Халай. – Я люблю вас, как родных внуков! Я прошу вас... нет, я вас умоляю! Вы просто обязаны мне помочь!

– Чего ради, старый урод? – хмыкнул Креол.

– Неужели вас несколько не беспокоит судьба вашего бедного учителя?!

– Нисколько.

– Тогда подумайте еще вот о чем! Если я не верну своих способностей, то больше не смогу вас обучать!

Шамшуддин посмотрел на Креола с легким беспокойством. Креол тоже помрачнел.

– А еще я нажалуюсь на вас в Гильдию! – зло пообещал Халай. – Уж я позабочусь, чтобы больше никто и никогда не взялся вас обучать! Я это сделаю, клянусь своей печенькой, обязательно сделаю!

Шамшуддин забеспокоился еще сильнее. Креола в крайнем случае может обучить собственный отец или дед – Гильдия подобного не одобряет, но и не запрещает. А вот что делать ему, Шамшуддину?

У него не будет другого шанса. Грозный дедушка совершенно точно не согласится платить за обучение повторно. Он и так отдал старому вампиру Халаю немало серебра. Липит-Даган богат, но бережлив, сорить сиклями не любит... и незаконного внука тоже не любит.

– Брат, может все-таки...

– Придется, похоже, – угрюмо кивнул Креол. – Рассказывай, старый урод. Как мы должны одолеть эту тварь, если она такая неуязвимая?

– Здесь есть один очень важный аспект, – сквозь зубы процедил Халай. В другое время он переломал бы за «старого уroda» все кости, но сейчас приходится терпеть дерзость этих щенков. – Гаситель Света практически необорим ночью. Но днем... о, днем совершенно другое дело! Днем Гаситель Света отсыпается в норе. В это время он вял, медлителен и почти слеп. Если суметь отыскать Гасителя Света днем, пока он спит, переваривая пищу, справиться с ним несложно – в былое время их именно так и истребили. Истребили даже не маги, а самые

обычные охотники из простых смертных. По нашему велению следопыты разыскивали нору за норой, пронзая копьями тех, кто в них сидел. Теперь вы должны сделать то же самое для меня. Из оружия у вас есть ножи и топор – этого должно быть достаточно. И поспешите! Вы должны успеть до заката!

Креол посмотрел на небо. За всеми разговорами, избиением учителя и приведением его в чувство прошло немало времени. Солнце уже почти доползло до полуденной отметки.

– Пошли, – мрачно буркнул Креол, поднимаясь на ноги.

Шамшуддин молча достал из колесницы легкий топорик для рубки сучьев. Не самое лучшее оружие при охоте на дикого зверя, но выбирать не приходится. Учитель Халай в своем обычном высокомерии не озаботился прихватить ничего полезного, целиком положившись на магию.

– Ступайте же, и свершите то, что должно быть свершено! – пафосно воскликнул старый маг, вздев трясущуюся ручонку. – Ради моего счастья! И... и ради будущего всего Шумера!

– Да чтоб ты сдох, старый урод, – вполголоса произнес Креол.

– Я это слышал!

– Я знаю.

При дневном свете дубовая роща выглядит совсем не так зловеще, как ночью. Но Креол с Шамшуддином все равно чувствовали себя как-то неуютно. Хотя учитель и сказал, что днем Гаситель Света немногим опаснее бродячей собаки, кто может поручиться, что это и в самом деле так? Ради своей драгоценной магии Халай вполне мог и солгать. Жизнь учеников его не заботит совершенно.

К тому же непонятно, где искать нору этой твари. Какого она хотя бы размера? Как выглядит тот, кто в ней сидит? Учитель на эти вопросы ответил только причитаниями и бранью.

Значит, ему это тоже неизвестно.

– Брат, погляди-ка, – окликнул Креола Шамшуддин. – Как думаешь?..

– Слишком маленькая, – критически осмотрел найденную щель меж корней Креол. – Старый урод сказал, что должен быть зверь... примерно вот такой где-то.

Креол расставил руки на ширину плеч. Немного подумал и раздвинул их еще чуть пошире. Потом вернул в прежнее положение. Потом снова раздвинул шире, никак не в силах вспомнить точно, какой размер показывал учитель.

Шамшуддин глубокомысленно кивнул, тоже расставил руки пошире и примерил получившийся размер к найденной норе.

– Не, такой сюда не влезет, – заявил он.

– А я о чем? Это вообще, по-моему, суслика нора.

– Суслика?.. А у нас тут разве водятся суслики?

– Да мне почем знать? Может и водятся. У нас тут вообще много всякой дряни водится.

– Например?

– Например, плешивые кушиты.

– Брат, твои слова обидны.

– Да, я знаю.

Шамшуддин срубил топориком сук подлиннее и принялся ворошить траву. Толстые дубовые корни могут скрывать не одну нору. Хотя крупный зверь в таком месте, конечно, не поместится.

Логово Гасителя Света просто обязано как-то отличаться от обычных дыр в земле...

– Клянусь душой Мардука, однажды я все-таки убью проклятого ворошителя грязи... – пробормотал Креол, спотыкаясь о очередной корень. – Пусть только закончит мое обучение – и я сразу же его прикончу...

Шамшуддин с сомнением покачал головой, но ничего не сказал.

Прошло несколько часов бесплодных поисков. Креол и Шамшуддин обшарили вдоль и поперек всю рощицу. Она оказалась совсем небольшой. Но тщетно, тщетно – никакой норы, никакого логова, никакого Гасителя Света. Жуткое ночное чудовище затаилось на славу, совсем не желая быть найденным.

Глаза учеников мага все чаще обращались к небесам. Закат еще не близко, но уже и не за горами. Тени деревьев удлиннились, дневная жара почти совсем спала.

Еще немного, и начнет смеркаться. С каждым часом оставаться здесь все опаснее. Кто может сказать наверное, в какое время привык пробуждаться Гаситель Света? Любая минута грозит оказаться роковой. Если тварь, легко расправившаяся с магистром Гильдии, выйдет на охоту, что смогут ей противопоставить двое шестнадцатилетних мальчишек?

– Может, вернемся? – с опаской предложил Шамшуддин. – Мы не виноваты, мы сделали все, что могли...

– Ну уж нет, я не сдамся... – стиснул зубы Креол, шаря глазами вокруг. – Плох тот маг, что боится ночных теней...

– Брат, не говорят ли – глуп тот, кто положил голову на плаху, но трижды глуп – тот, кто не убрал ее вовремя? Наш учитель в высокомерии своем попал на ужин к чудовищу – его глупость. Мы с тобой, боясь гнева Гильдии, согласились выручить его из беды – наша глупость. Не будем же совершать еще и третью глупость, дожидаясь темноты в этой обители Мрака!

– Хочешь – уходи, – огрызнулся Креол, жуя пресную лепешку. – А я остаюсь. Я найду эту маскимову нору. Или не найду. Но никто потом не скажет, что я сдался. Я никогда не сдаюсь.

– Вижу, упрямство и высокомерие наш учитель тебе уже передал... – вздохнул Шамшуддин. – Ты способный ученик, брат, но ты зря не прислушиваешься к голосу разума...

– Замолчи, надоел. Повторяю – если хочешь, можешь проваливать хоть к Нергалу в зубы.

– Отец учил меня, что трижды проклят будет тот, кто покинул товарища в опасную минуту, – снова вздохнул Шамшуддин. – Даже такого неразумного товарища, как ты, брат...

– Отец... – фыркнул Креол. – Кушитский раб...

– Да, он был рабом и имел черную кожу, – спокойно согласился Шамшуддин. – Ты вправе испытывать к нему презрение, сын шумерского аристократа. Однако несмотря ни на что, я горжусь тем, что мой отец – Барака из Напаты.

– Кем он был у себя на родине? – без особого интереса спросил Креол. – Он ведь не родился рабом?

– Не родился. Но я не знаю, кем он был до того, как надел рабский ошейник. Пока отец был жив, мне не приходило в голову спрашивать его о прошлом. А когда умер – пришло, но спрашивать стало уже некого. Дедушка этого не знает, другие рабы тоже не знают... или притворяются, что не знают. Возможно, когда-нибудь я побываю в Напате и своими глазами увижу родину моих предков...

– Что может быть интересного в варварском Куше?

– Не знаю. И не узнаю, пока не увижу собственными глазами.

– Твоя жизнь – делай, как знаешь, – пожал плечами Креол. – Меня это никак не касается.

– Твоя правда, брат.

Креол досадливо ударил палкой по дубовому стволу. И замер. Взгляд уцепился за неровность в почве. Толстые корни образовали здесь настоящий навес, густо усыпанный листьями. Если приглядеться, можно заметить, что они не просто случайно попадали с ветвей. Эту листву кто-то сюда принес – принес и уложил в нарочитом беспорядке, маскируя...

– Есть! – оскалился Креол, расчищая отверстие палкой. – Огромное!

Шамшуддин подошел поближе. Похоже, это и в самом деле логово Гасителя Света. Дыра начинается меж дубовых корней и уходит глубоко под землю. Судя по размерам – тварь внутри сидит не гигантская, но все же довольно крупная. В такой лаз вполне может пролезть и человек.

– Давай мешок, я полезу, – заявил Креол, обнажая нож. – А ты стереги вход.

Шамшуддин молча кивнул, перехватывая поудобнее топор. Креол чиркнул кремнем, зажигая смоляной факел, обвязал вокруг туловища шерстяной мешок, согнулся в три погибели и сунул голову в черное отверстие.

– Постарайся не погибнуть, брат, – сказал Шамшуддин.

– Я не нуждаюсь ни в чьей заботе, – огрызнулся Креол, вглядываясь в темноту. – Сам разберусь как-нибудь.

– Такое ощущение, что я слышу нашего учителя.

– Не сравнивай меня с этим старым шакалом. Все, я пошел.

Ползти на карачках ученику мага пришлось довольно долго. Проклятый Гаситель Света вырыл нору длинную, извилистую. Похоже, солнечные лучи ему и впрямь неприятны, раз уж он прячется от них так глубоко.

С потолка то и дело осыпается земля, под локти и колени попадают острые камни. Двигаться неудобно – обе руки заняты. Самодельный факел шипит и потрескивает, освещая туннель лишь на несколько шагов вперед. Сердце в груди предательски екает – время уже вечернее, тварь может проснуться в любую минуту.

Креолу было бы легче ползти, сунь он нож за пояс. Но юноша твердо решил, что скорее умрет, чем выпустит костяную рукоять. Это обсидиановое острие – единственное, что придает сейчас уверенность. Надежный, проверенный инструмент, пронзивший даже твердокаменную шкуру гала. Проклятый демон сломал лезвие, но Креол заменил его на новое, тоже из освященного обсидиана.

Этот нож Креолу подарил дедушка. Архимаг Алкеалол – единственный человек в Шумере, способный соперничать со старым Халаем в Искусстве демонологии. Именно Алкеалол настоял на том, чтобы внук пошел по его стопам.

Отец Креола, Креол-старший, возражать не стал – его никогда не беспокоила такая ерунда, как потомство и вообще родственники. Он отвез сына в Симурум, заплатил старому кровососу, сколько тот потребовал, и возвратился домой, в Шахшанор.

С тех пор вестей из дома не было. Креол-старший ничего не сообщал о себе и не интересовался судьбой Креола-младшего. Вполне возможно, он давно позабыл о существовании единственного сына и наследника.

Ползти понемногу стало легче. Узкий проход шаг за шагом расширялся... а затем Креол вдруг сообразил, что может подняться на ноги. Выпрямиться в полный рост по-прежнему не получалось, но лучше все же идти согнутым, чем ползти на карачках.

Тоннель закончился пещерой, высланной дубовой листвой. В самом центре – травяное гнездо-спаленка. А в гнезде...

Креол на миг замер, рассматривая свернувшуюся тварь. Халай Джи Беш не солгал – днем Гаситель Света и в самом деле крепко спит. Его не разбудил ни пришелец снаружи, ни свет факела, вторгшийся в это царство мрака.

О внешности Гасителя Света Халай не обмолвился и словечком – потому что сам этого не знал. Но теперь Креол смог рассмотреть чудовище во всех подробностях. Оно оказалось не таким уж и страшным – демон-гала, до сих пор сидящий на цепи в подвале, выглядит повнушительнее.

Тварь примерно с шакала величиной. Шесть лап – из них четыре обычные, с пальцами о мягких подушечках, а две довольно короткие, растут из плеч, вместо пальцев изогнутые крючья. Шея складчатая и толстая, морда длинная, оканчивается тускло светящимся хоботком с длинной иглой. Глаз нет совсем – лишь какие-то непонятные полосочки и пятнышки. От брюха тянется толстая склизкая труба – похоже на яйцеклад.

Креол сделал шаг вперед, не отрывая взгляда от спящего чудовища. Не шевелится. Еще шаг – по-прежнему никакого движения. Третий... и вот теперь Гаситель Света чуть заметно дернулся.

Плечевые крючья покачнулись, выдвигаясь из кожаных складок. Склизкий яйцеклад вздрогнул и запульсировал. Лапы примяли траву, из-под подушечек высунулись белесые когти.

Тварь просыпается! То ли разбуженный незванным гостем, то ли просто выспавшийся, но Гаситель Света вот-вот очнется!

Креол метнулся вперед, замахаясь ножом. Длинная полоса обсидиана легко пропорола морщинистую кожу твари. Гаситель Света зашипел и забился, траву оросила дурно пахнущая буроватая кровь.

Смуглая рука резко выдернула нож наружу, тут же нанося второй удар. Одновременно с этим Креол сунул в морду Гасителю Света горящий факел. Тварь зашипела еще сильнее, исступленно колотясь всем телом о землю. Старый Халай не обманул и здесь – спросонья чудовище-вампира и в самом деле оказалось вялым и неуклюжим. Пожалуй, сейчас с ним справится и ребенок.

Через несколько секунд все закончилось. Тяжело дыша, Креол посмотрел на испачканные в буроватой крови руки. На земле неподвижно лежит труп.

Шестнадцатилетний юноша в одиночку победил ужасного Гасителя Света.

– Желудок, значит... – пробормотал Креол, с отвращением распарывая убитой твари брюхо. – Какая гадость...

Ученик мага все еще не изжил в себе остатки брезгливости. Вскрывать трупы, особенно такие омерзительные... это до сих пор не доставляет удовольствия. Но со временем чувство гадливости, конечно, пройдет.

Иначе хорошего мага не получится.

– Ну и что из всего этого желудок? – спросил сам себя Креол, вороша разноцветные склизкие мешочки. – Проклятый Халай, не мог описать поподробнее... а-а-а, Кингу с ним, забери всё!

Преодолев отвращение, Креол принялся методично потрошить Гасителя Света, вырезая все органы, хоть чуть-чуть похожие на желудок. Пусть учитель сам разбирается.

Сунув в мешок последний орган, похожий на перезрелый баклажан, Креол замер. Воткнутый в земляную стену факел осветил в дальнем конце пещеры какое-то движение...

Халай Джи Беш закусил губу, с беспокойством поглядывая на солнце. Как неумолимо движется оно к горизонту!

С каждой секундой надежда на возвращение магических способностей утекает, улетучивается подобно дыму. Не стоило рассчитывать, что два никчемных мальчишки сумеют справиться с такой ответственной задачей. Но упавший в пропасть готов схватиться даже за гнилую соломинку – такой соломинкой стали для несчастного мага Креол и Шамшуддин.

– Нергал Лугальгирра! – воздел к небу скрюченные пальцы Халай. – Львиноголовый царь Куты, потрясающий мечом и дубиной! Клянусь тебе самой страшной клятвой, что если двое моих учеников вернутся ко мне с пустыми руками или не вернутся совсем...

– Мы вернулись, учитель! – послышался голос Шамшуддина.

Наверное, еще никогда в жизни дряхлый Халай не перебирал ногами с такой поспешностью. Аж трясась от волнения, он подбежал к неспешно шагающим ученикам и жадно затеребил одного и другого:

– Ну?! Ну?! Ну же!.. Креол!.. Шамшуддин!.. Мои любимые ученики!.. Скажите, скажите же мне, что я ждал не напрасно! Умоляю, порауйте меня добрыми вестями!

– Мы порадуем тебя добрыми вестями, – усмехнулся Креол, пряча что-то за пазухой. – Шамшуддин, показывай.

Чернокожий юноша сбросил с плеч хлюпающий мешок. Халай с восторженным криком вцепился в него ногтями, роясь в груди потрохов.

– Это... это они?.. – счастливо воскликнул старик. – Это в самом деле органы Гасителя Света?!

– Своими руками вырезал, – устало кивнул Креол.

Халай Джи Беш тихо засмеялся, плотно сжимая тот самый перезрелый баклажан, что Креол сунул в мешок последним. Старческое лицо исказилось в торжествующей гримасе... а потом он жадно сунул добычу в рот. Совершенно желтые, но вполне еще крепкие зубы с бешеной яростью вгрызлись в плоть Гасителя Света.

Халай Джи Беш съел все без остатка. Вкус у желудка чудовища оказался отвратный, но жующий маг выглядел так, словно ему преподнесли сладчайшее кушанье в мире. Доев до конца и облизав пальцы, старик уселся на землю, прислушиваясь к внутренним ощущениям.

– Да!.. – воскликнул он, легко вскакивая на ноги. – Да, да, да!!! Я... я чувствую... чувствую!!!

Тысячу раз повторенным движением маг выхватил жезл. Левую ладонь охватило голубоватое сияние. С жезла сорвалась короткая молния, испепелившая пучок травы. Синяки и ушибы начали стремительно исчезать, морщинистое лицо порозовело, в глазах появился прежний блеск.

– Ко мне вернулись мои способности, – улыбнулся Халай, утирая слезы счастья. – Вернулась сила... Вернулась благодаря вам... Креол, Шамшуддин, дорогие мои ученики... Знаете, для чего я вас все время ругал и бил?..

– Для чего, учитель?

– Да для того, чтобы вы поняли, что я великий маг!!! – бешено взревел Халай, замахаясь жезлом. – А вы – ничемные смердящие выблядки, заслуживающие только побоев!!!

Злобный старик колотил учеников довольно долго. Лупил жезлом, лупил ногами, обувными в кожаные сандалии. Креол и Шамшуддин только тихо постанывали, закрывая голову руками.

– Как вы посмели поднять руку на своего учителя, подонки?! – шипел Халай, раздавая тумаки направо и налево. – Как вы посмели оставить на мне синяки?! Как вы посмели заставить меня унижаться и ползать на коленях, выпрашивая вашей помощи?! Как вы посмели колебаться, желая оставить меня в столь жалком состоянии?! Не прощу!.. Никогда, ни за что не прощу!..

Расправа завершилась примерно через полчаса. Халай поглядел на избитых до полусмерти мальчишек, смачно плюнул им на головы и злобно захихикал. Немного подумав, он приподнял набедренник и справил на учеников малую нужду.

– Теперь лежите здесь и думайте о своей ничтожности! – фыркнул маг, залезая в колесницу. – Домой пойдете пешком! И учтите, что когда вы вернетесь, я снова вас изобью!

Цокот копыт онагров и рокот колесничных спиц затихли вдали. Креол и Шамшуддин остались лежать на траве под закатным небом. Ни единого движения. Просто нет сил шевелиться.

Только через полчаса Шамшуддин с великим трудом сумел усесться. Кажется, проклятый старик сломал ему руку. Как-то она неправильно гнется. Хотя болеть совершенно не болит – все остальное тело болит, а эта рука нет. Даже странно. Неужели уже успела онеметь?

– Брат, ты как?.. – слабо простонал кушит-полукровка.

– Терпимо, – приподнялся Креол. – Только хребет болит. И голова.

– Не стоило нам помогать этому старому маскиму... – вздохнул Шамшуддин. – Понимали же, что он с нами сделает, когда вернет могущество...

– Да Кингу с ним, – пожал плечами Креол. – Халай есть Халай. Я бы даже удивился, если бы он поступил как-то иначе.

Шамшуддин обратил внимание, что побратим отчего-то совсем не выглядит подавленным. Наоборот – на лице блуждает лукавая улыбка, а руки поглаживают выпуклость за пазу-

хой. Шамшуддину вспомнилось, что во время избиения Креол вроде бы старательно защищал именно эту загадочную выпуклость, совершенно пренебрегая остальными частями тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.